

Мама Сорокина

СВЕТЛЫЙ ИМПУЛЬС

18+

Мария Сорокина
Светлый импульс

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сорокина М. С.

Светлый импульс / М. С. Сорокина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

«Новый мир, с бесконечным запасом магии, находится в процессе колонизации. Предоставляются невероятные возможности для самореализации, а мне хочется сбежать прочь». История не о событиях, но о чувствах. Книга содержит описание нетрадиционной сексуальной связи. Людям с устоявшимся негативным мнением по этому вопросу читать не рекомендуется.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Некоторые истории должны быть рассказаны.

Светлый импульс

Глава 1

Я наблюдаю за резвящимися детьми из-под полуопущенных ресниц, а внутри грудины, глубоко под рёбрами, ворочается саблезубый бобёр, и точит зубы о мой позвоночник. Я чувствую, что скоро он справится, справится, и, наконец, перегрызёт его пополам, и я упаду на землю, и буду корчиться от боли и отчаяния, до тех пор, пока не сгину. Чувствую – но не в силах ничего изменить.

Я отчаянно, почти болезненно желаю оттолкнуть собственное одиночество, почувствовать себя частью коллектива... Но я не могу. Просто не могу. И дело даже не в стеснительности, за которую меня вечно укоряет отец. Нет, дело в том, что *я не в праве*, не в праве этого делать. Это ощущение живёт внутри меня, оно чёткое, ясное, очевидное. Этот факт будто начертан красивыми вензелями на моём лице, на груди и лопатках, на каждом сантиметре тела: Ингрис Роберт не вправе играть рядом с другими детьми, не вправе даже мечтать попроситься в их компанию, он не такой как все, к нему не может, *и не должно* быть снисхождений.

Я не такой как они. Я мыслю иначе, веду себя по-другому, чувствую всё слишком остро, вдохновляюсь другими вещами, потаёнными и неочевидными. Внутри меня живёт что-то странное, большое. И это нельзя скрыть. Конечно, я много раз пробовал применить очевидную тактику под названием «притворись нормальным», пытался вести себя точно так, как другие. Но, должно быть, я напрочь лишён актёрских способностей. А может, просто моя ненормальность не перекрывается никаким притворством.

Щека изнутри вся искутана, и, жалея себя, я дотрагиваюсь до неё языком, в четырёхсотый раз обещаю себе быть осторожнее – но знаю, что лгу. Через пару минут случится что-нибудь неприятное, я забудусь, снова прикушу её, и хорошо, если не до крови. Пусть будет больно, это ничего, к боли я привык. Но меня раздражает появляющийся во рту болезненный бугорок, который снова и снова задеваешь зубами, тем самым усугубляя ситуацию до крайности.

– Ингрис, – кричит мне младшая из девочек, отфыркиваясь от просоленной воды и пытаясь сдвинуть прилипшую ко лбу чёлку, – Ингрис, а ты почему не плаваешь?

Я с шумом вдыхаю, словно пытаюсь унюхать, почувствовать, не задумала ли она чего, не подговорили ли её другие ребята, чтобы провернуть какую-нибудь унижительную шутку. Интуиция кричит мне, чтобы я одумался и не реагировал, так как это может быть опасно. Но внутри меня есть желание – желание быть рядом с людьми, и это желание заглушает всё. Я прищуриваюсь, присматриваюсь, чтобы определить, как реагируют на её вопрос остальные дети, и вижу, что на их лицах не появляется язвительных или издевательских ухмылок, да и вообще, они, как кидали друг другу летающий диск, так и продолжают кидать. Кажется, это хороший знак.

– Иди сюда, если хочешь, – продолжает малышка, и шлёпает раскрытой ладонью по воде, словно пытаясь показать, как там у них мокро и весело.

Её довод срабатывает безотказно. Меня тянет вперёд, наперекор страхам и неуверенности. Логика отключается, сменяясь отчаянной надеждой. А вдруг повезёт, и я смогу присоединиться, и хоть на пару минут почувствовать себя свободным, счастливым, и *обыкновенным*?

Я поднимаюсь на ноги и слегка пошатываюсь: коленки совсем онемели от долгого пребывания в одном положении. Нужно относиться к себе более бережно, иначе вскоре придётся отменить приём витаминов, которые поддерживают костный и мышечный корсет, и решиться на операцию по замене коленных чашечек, да и других суставов. Вообще-то, у нас многие так делают, только не в тринадцатилетнем возрасте, а в двадцатилетнем. Гравитация на Диске до сих пор превышает норму, оптимальную для организма. Логично, что хрупкие человеческие кости из-за этого быстро изнашиваются. Пока Магистры научились избавлять людей от след-

ствия, а не от причины, и просто заменяют им суставы, а в самых сложных случаях, при грыжах позвоночника, заменяют даже позвонки, умудряясь не повредить двигательную функцию.

...Делаю несколько неуверенных шагов в сторону воды, всем своим видом показывая, что это не имеет для меня никакого значения, а сам исподтишка продолжаю следить за реакцией остальных. Если вдруг услышу смешки, неодобрение, или ропот по типу «зачем он тут», то просто сделаю вид, что вовсе и не стремился подходить, просто решил пройти вдоль берега, а это не запрещено. Если станут брызгаться – это ничего страшного, я всё равно засиделся на одном месте и возможно, перегрелся.

Раньше детям нельзя было находиться на открытом воздухе из-за большого количества факторов, негативно влияющих на здоровье. В списке значились слишком высокая активность нескольких солнц, радиоактивное излучение, да ещё пыль от пролетающих мимо астероидов. При выходе из дома следовало пользоваться специальными облегчёнными герметичными костюмами, или проходить ежедневную очистку от вредных примесей в специальной кабине. Но пару лет назад Магистры закончили самый сложный проект, разработали огромный прозрачный купол и накрыли им Диск. Теперь радиация от солнц и космический мусор просто не могут проникнуть в атмосферу, и потому не причиняют вреда. Понемногу родители привыкли к изменившимся условиям жизни и теперь даже разрешают нам выходить из дома в самой обыкновенной одежде, к примеру, штанах и футболке. И теперь мы можем бывать на улице не только из необходимости, а просто ради развлечения. Более того – прогулки признаны полезным и укрепляющим времяпровождением. Это нововведение радует всех, кроме меня. Мне было проще находиться в стенах моего прекрасно оборудованного дома, где воздух ионизирован, очищен от пыли, а пространство обособленно. Ведь тогда существовало прекрасное оправдание для того, чтобы не встречаться со сверстниками лично, а вместо этого можно было анонимно болтать с ними через свою планшетку, взяв чужую фотографию и прикинувшись человеком из отдалённого района. Даже в школу не нужно было ходить: репетиторы либо приходили прямо домой, либо читали лекцию через ту же планшетку, сразу для большой группы детей. Да, это было хорошее время. Я не мучился вот так, чувствуя себя самым странным человеком в мире, более того, никто из соседей не знал, что сын самого Джеймса Роберта Маркеса – эталонный терпила и неудачник.

В воздух поднимаются брызги воды, подсвеченные солнечными лучами, и я вижу сквозь них довольные лица. Зависть тонкими струйками стекает вниз по горлу, и щиплется, словно газированный напиток.

Вода, солёная, прозрачная и будто живая, переливающаяся и вечно колышущаяся, всем видом манит меня в свои прохладные объятия. Вокруг пахнет солью, свежестью, жизнью.

Маленькая Эльвира снова машет рукой, подбадривая нерешительного меня. Я благодарно улыбаюсь ей, а пальцы ног тонут в мокром, упругом песочке.

Магистры на нашем Диске стремились улучшить качество жизни, искали средства и способы, и в итоге создали море, практически такое же, как на Земле, только меньшего размера. Всем известно, что солёная вода оказывает оздоравливающий и терапевтический эффект. Действительно, у тех, кто купается в этой воде, улучшается и настроение, и самочувствие. Но это не отменяет того факта, что это море будто бы ненастоящее.

Эти Магистры... Они всегда так делают. Беззастенчиво крадут идеи из чужих миров, почти не применяя собственной фантазии и не внося изменений. У нас вообще практически всё искусственное. Искусственные горы и равнины, искусственные природные биомы – всё это выращено на магических кристаллах, и всё подсмотрено в мире Земли или Оклуса. Воплощение вроде бы качественное, но всё равно, насквозь фальшивое. Особенно это чувствует мама, которая жила в другом мире и видела настоящую природу, а не воссозданную по образцу с точностью до миллиметра. Я в другом мире не жил, и отличий заметить не могу, однако на подсознательном уровне ощущаю, что всё вокруг – качественная симуляция.

Когда-то давно в Оклусе люди освоили перемещение между мирами. Для этого им нужно было вылить на себя некоторое количество магической субстанции из магической же реки и мысленно проговорить своё пожелание – всего-то! Невелико умение.

Ради познавательного интереса группа энтузиастов принялась случайно перемещаться во все доступные миры. Наверное, им было любопытно взглянуть на их устройство, завести список и картотеку, получить описание каждого... Но выбор оказался невелик. Первой «попалась» планета Земля, огромная и странная. Она сразу показала свою главную особенность, а именно, блокировку магических способностей. Должно быть, таким способом планета защищала себя и своё мироустройство. Волшебник, пребывающий на Земле дольше пары недель, медленно, но неотвратно лишался магии, и становился совершенно «обыкновенным» человеком. И, конечно, уже не мог переместиться обратно, так как для перемещения нужна магическая сила.

Едва сумев «спастись» с Земли, путешественники решили оставить её в покое. Отдохнув, накопив магии и придя в себя, они снова принялись за поиск миров, пригодных для проживания. И попали на этот Диск. В то время он представлял собой совершенно незаселённую пустошь. Ни зверей, ни птиц, ни растений, сплошная радиация, пылевые бури, а в атмосфере – критично низкий уровень кислорода, зато в достатке посторонних примесей. Конечно, неугомонные учёные просто не могли проигнорировать даже настолько неинтересную и пустую местность, и решили не торопиться с возвращением. Они создали укрепленные, надёжные скафандры и фильтры для дыхания, и принялись за строительство специальной станции, с которой можно было бы исследовать округу. Вскоре было обнаружено, что под слоем песка содержатся некие кристаллы, которые немедленно были подвергнуты полному анализу. И не зря. Выяснилось, что кристаллы эти целиком состоят из магической энергии. Кроме того, магия растворена в атмосфере, в почве, да везде... И её плотность такова, что уровень вот-вот перевалит за критический.

Итак, путешественники приняли решение использовать эту свободную магию, применить её для творчества и выражения своих желаний.

Они принялись понемногу колонизировать местность, и за какие-то полгода очистили атмосферу, начали строительство города с развитой и удобной инфраструктурой, создали зоны с самими разными природными биомами. К примеру, небольшой остров жёлтых кораллов и Драконьи горы из Оклуca, хвойный и березовый леса с Земли, море с неё же, ну и всякое такое. И всё это – с нуля. Из абсолютного ничего.

Магическая энергия – странная штука. Она словно бы живой, дышащий организм, который имеет свои чувства и желания. И она желает... быть потраченной. За все те годы, когда на нашем Диске никто не жил, магия страдала от неиспользования, и «с горя» кристаллизовала саму себя в розовые, фиолетовые и красные камни, и усеивала этими камнями Диск в миллионы слоёв.

Если не использовать магию, она, скажем грубо, «опечалится» и рванёт. Рванёт и разматывает всё, что было построено с такими долгими усилиями, и устроит нам тут локальный большой взрыв. Наш Диск просто самоуничтожится, и образует в космосе очередную чёрную дыру – будто без него их мало.

Поэтому важность Магистров невозможно переоценить. От них зависит весь мир. К нашему счастью, они очень серьёзно относятся к возложенной на них ответственности. И придумывают всё новые и новые проекты для того, чтобы потратить очередную порцию магических кристаллов.

Так что, наш Диск всегда находится в процессе преобразования и улучшения. Может быть, лет через десять условия жизни приблизятся к идеалу, и тогда уж я не знаю, как Магистры будут выходить из положения и что придумают для того, чтобы тратить магию.

Места, признаться, у нас не так много, всего-то двадцать тысяч километров по экватору Диска. Но зато каждый из этих километров максимально освоен. Магистры долгое время чертили стратегический план, использовали опыт инженеров с Земли, и, благодаря этим усилиям, смогли очень правильно и удачно организовать пространство. В итоге, на Диске хватило места для всей колонии поселения, для зон отдыха, и для «дикой» местности. Пресные водоёмы расположили в подходящих для этого тенистых местах, а горы распределили по кругу Диска. Они защищали от возможных ветров и непогоды, до тех пор, пока не достроили прозрачный купол, который справился с этой задачей куда как эффективнее.

С момента начала колонизации прошло уже лет тридцать, не меньше. И за это время Диск превратился в приветливый, удобный для проживания мир. Наука, магия инженерия и вовсе демонстрируют впечатляющие достижения. И почти никто из основателей не вернулся назад, в Оклус – все решили остаться здесь, продолжать свою сложную, интересную работу, и просто жить.

Я родился здесь, на Диске.

А вот мои мама и папа прибыли сюда двадцать лет назад, как раз в те времена, когда строительство защитного купола над Диском ещё даже не началось.

Мой отец – гений-проектировщик, уважаемый человек, с большими амбициями и такой же большой ответственностью. На его счету десятки успешных проектов по совершенствованию городского пространства, а также по изменению ландшафта Диска. Гений на то и гений. Основное направление его деятельности состоит в том, чтобы преобразовывать магию из кристаллов в более привычный, «газообразный» вид, а затем использовать эту магию для воплощения очередного проекта по строительству или ремонту. Он обязательно должен участвовать в самом грандиозном и нереальном из проектов, иначе жизнь покажется ему невыносимой. Именно он придумал и воплотил этот самый защитный купол, благодаря которому природные биомы, да и люди прекратили, наконец, испытывать чудовищное давление из-за агрессивной среды.

Мама моя тоже далеко не простушка. Она обожает природу и животных, и именно она придумала и разработала проект «дикой» природы. С нуля создала отгороженную от людей зону длиной в пятьсот километров, где поселила перенесённых с Земли животных. При взгляде со стороны это простая задача: что такого, выбрать самых симпатичных зверей и птиц, помочь им размножиться, и дело с концом! Но нет, тут необходимо учесть множество факторов, таких как предпочитаемые места обитания, выбор питания, влияние на природу. К примеру, кроликов брать нельзя, так как те могут уничтожить зелёную растительность, но без них волкам и лисам нечего будет есть. Бобры подточат и поломают здоровые деревья. Мыши подпортят посевы, как в процессе роста колосков, так и во время хранения готового зерна. Кусачие насекомые быстро расплодятся, помешают людям, будут переносить болезни, но без них не будет пищи для птиц...

В итоге мама до сих пор совершенствует свой проект и мечтает о гораздо большей площади для своих горячо любимых «питомцев». Но, увы, пока место на Диске ограничено. Магистры, конечно, планируют в будущем расширить его границы, но пока этот проект остаётся на стадии разработки.

Мои родители – очень хорошие люди, вдохновляющие лидеры и интересные, многогранные личности. И я сочувствую им от всей души. Могу представить, как им тяжело. Ведь они-то не виноваты в том, что их сын – терпила и неудачник. Но и я тоже не виноват.

– Прыгай к нам, Ингрис.

Невероятный серебристый Игрташ – наше небесное тело, заменяющее солнце, и его маленький красный сосед Карил, светящие с неба сквозь голубую прозрачную полусферу, искрящаяся солёная вода... Всё это вдруг пленяет мой разум, я чувствую расслабленность и спокойствие. Они редкие, но желанные гости в моей душе. Они, словно бальзамом, покрывают

старые душевные раны, временно пленяют ужасного, разрушительного зверя, терзающего меня изнутри. Я прыгаю.

– Ингрис, Ингрис!

Вода заливает меня с головой и всё равно продолжает брызгаться, ластиться ко мне, вертеться рядом, лижет меня в нос, ... и я вдруг просыпаюсь, испуганный, словно коромыслом ударенный, и с трудом сажусь на своей кровати. Руки мои погружены в кудрявую шерсть моей собаки Ирмы. Это она лизала меня в лицо, пытаясь пробудить от приятного сна, где дети не имели ничего против меня и моего существования в мире.

Продолжая автоматически поглаживать Ирму, я нащупываю на её талии (интересно, есть ли у собак талия?) большой сиреневый бант. Аккуратно развязываю его, снимая с собачьего живота (ведь живот-то у собаки точно есть) планшетку. Ухмыляясь своим мыслям и одновременно радуясь подарку, нажимаю кнопку включения. В воздухе повисает голограмма. Это мой отец. Он одет, как почти всегда, в костюм «американского офисного клерка» с планеты Земля, примерно двухтысячных годов. Почему-то он считает этот наряд неувядающей классикой, хотя здесь, кроме него, такое больше никто не носит. Но отец умеет превращать странности в некие «фишки», это его фирменный стиль, имидж, который выделяет из массы других людей. Уверен, отец уже не будет восприниматься обществом, если сменит франтоватый костюм на нормальную одежду.

Выходцев с Земли здесь живёт совсем немного. Человек десять, никак не больше. Все остальные – это люди из параллельного Земле волшебного королевства, для краткости называемого Оклусом. Это люди, привыкшие к магии изначально, и поэтому они адаптировались к местным реалиям легче и быстрее Землян. А их дети, мои сверстники, не знавшие другой жизни, и вовсе чувствуют себя здесь идеально.

Окружающие люди до сих пор не знают, как именно мой отец сумел сменить немагический мир на магический. Но мне родители честно рассказали, как было дело. Моя мама, уроженка Оклуса, посетила мир Земли в качестве краткой экскурсии, в те времена, когда была совсем наивной и юной. Там, на Земле, она влюбилась в местного мужчину, преподавателя университета. Он, после долгих раздумий и колебаний, всё же плюнул на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте и ответил ей взаимностью. Но она не могла остаться в его мире, так как в таком случае ей пришлось бы проститься с магией навсегда. Увы, так уж устроен мир Земли – магия в нём отсутствует, а если на Землю пребывают гости из другого мира, то их магические силы быстро оскудевают и вскоре почти блокируются. Может остаться только повышенное везение и иммунитет от серьёзных болезней. И всё. Уж точно никаких тебе телепортаций, строительства жилья из ничего, полётов и тому подобных чудес. Итак, мамин магический фон начал истощаться. Может быть, мама и бросила бы свой волшебный мир ради любви, всё же она была романтичной, наивной и при этом храброй. Но именно в то время у отца обнаружили заболевание, причём на третьей стадии, которая, по словам врачей, уже не поддавалась оперативному вмешательству. Ему грозила скорая смерть, причём довольно болезненная и неприятная. Отец, конечно, начал лечение, но при этом даже не подумал взять больничный и сосредоточиться только на себе. По сути, он отнёсся к болезни философски. А Лита (так зовут мою маму) философствовать не собиралась. Никаких заклинаний или волшебных микстур она ему предложить не могла при всём желании, ведь магия на Земле не работала. Забрать его с собой тоже не могла. Посетить мир Оклуса мог только человек, в чьих жилах течет кровь местных жителей. То есть если бы она родила от земного мужчины ребенка, то забрать в свой мир смогла бы только этого ребенка, являющегося полукровкой. Но ей нужен был не ребёнок от её мужчины, а сам её мужчина, и её в этом можно было понять.

И тогда мамина подруга из Оклуса, умудрявшаяся кидать ей весточки, помогла найти решение, и рассказала о пустынном мире, где найдены бескрайние залежи магии; о мире, который много лет был совершенно пуст, а в данный момент находится в процессе колонизации.

Мама воспользовалась всеми своими связями, растратила из резерва последние крохи магии, но отправила-таки Магистрам резюме моего отца, добилась, чтобы его рассмотрели в самый короткий срок. Заставила принять во внимание безвыходные обстоятельства, которые позволяли ей и отцу без сожаления покинуть Землю и не стремиться назад, подробно описала способности их обоих, которые могли пригодиться в строительстве. И тут моим родителям снова повезло. Их заметили. Настойчивость мамы дала свои результаты. В итоге, за моими родителями прибыл один из основателей-Магистров, который не поленился потратить несколько дней и несколько десятков магического кристаллов на то, чтобы перетащить их обоих на Диск.

Усилия Магистра окупились. Мой отец обладал инженерным складом ума, умел строить схемы, проектировать, мыслить масштабно, знал физику, химию, как в теории, так и на практике. Именно эти способности могли пригодиться (игодились) колонизаторам. Сами они, выходцы из Оклуса, были разбалованы магией и к техническому прогрессу никогда не обращались. Без сомнения, папины знания реально оченьгодились этому миру. Для того чтобы создать предмет из магической энергии, надо сначала досконально его представить, создать схему, тщательно прописать условия работы, технические характеристики, и, конечно же, его внешний вид и функции. К примеру, без него строительство защитной сферы было бы обречено на провал, так как люди с Оклуса не обучались углублённой физике, понятия не имели о свойствах материалов, не могли рассчитать нужный изгиб, ширину, прозрачность... И уж точно понятия не имели о компьютерных программах, призванных для подобных задач.

– С днём рождения, Ингрис, – улыбается мне папа, и его закрученные на кончиках усы заодно пытаются повторить каждое слово.

– Спасибо, пап, – бормочу я.

Расслабленность и спокойствие, которые пришли во время сна, незаметно утекают прочь, впитываются в декативый пол. Вместо них на меня вновь напoлзает привычное смущение, и обнимает всё тело десятками прохладных липких лапок.

Но умение удерживать на лице нейтральное выражение давно доведено до автоматизма, даже если отвратительная горечь заполняет внутренности и царапает горло. Мне не хочется, чтобы папа заметил мою печаль, тем более что ничем помочь он точно не сможет. И вообще, по логике взрослых, у меня всё есть, и блага цивилизации, и семья, собственная комната... Не хватает спокойствия на душе, но это им понять не получится. Ведь опять же, с чего мне беспокоиться? Это не объяснить простыми словами.

Я цепляюсь за кудрявую шерсть Ирмы, и собачка, радуясь вниманию, продолжает вертеться подпрыгивать. Ирма – пожилая собака, ей уже пятнадцать лет, она на целый год старше меня. Отец с мамой прихватили её с Земли, когда перебирались на Диск. Тогда она была совсем щеночком.

Так уж вышло, что она – первая представительница животного мира на Диске – и потому имеет здесь эксклюзивный статус. Сейчас, когда Ирма стала старенькой, ей до сих пор абсолютно бесплатно выдают витамины, сыворотки для укрепления сердца и лёгких, и в прошлом году даже делали малоинвазивную операцию по улучшению зрения, а также расширили некоторые сосуды и усилили кровоток.

Я благодарен прогрессивной медицине и участию магии. На Земле Ирма уже давно умерла бы от старости. Там, хоть и имеется неплохой технический прогресс, всё же до сих пор не умеют продлять жизнь, сохранять здоровье и бодрость пожилым людям и животным, и уж точно не умеют лечить серьёзные болезни.

Папина болезнь начала исчезать сразу после попадания на Диск. Всё потому, что он начал дышать здешней атмосферой. Буквально с каждым днём ему становилось всё лучше и лучше. Это, должно быть, было прекрасное чувство. Магия, которая была повсюду, проникала даже через фильтры кислородного преобразователя, и выжигала болезнь из его тела, заменяла повреждённые ткани, выращивала новые нейроны. Магистры в то время уже начали

свои попытки привести атмосферу в такой же химический состав, как на Земле, но пока не преуспели. Как только отец избавился от болей и немного обжился, то сразу взялся за дела, и вскоре рассчитал формулу, по которой атмосфера Диска должна была измениться. Это был прорыв – преобразователи кислорода стали больше не нужны, высаженные деревья стали лучше приживаться и охотнее расти, людям стало легче жить и работать. Строительство города пошло намного быстрее.

Все люди, достигшие возраста сознательности, имеют специальный преобразующий браслет. С его помощью они могут творить бытовые заклинания. Следует взять небольшой магический кристалл, приложить к браслету, сформировать запрос и совершить мысленное усилие, которое называют светлым импульсом. У Магистров эти браслеты более мощные – потому что у них больше способностей к магии, а так же они лучше умеют сосредотачиваться, умеют представлять все процессы, происходящие внутри крупного объекта, и направляют светлый импульс точно в цель. Мой отец, несмотря на то, что прибыл с Земли и не имел врождённых способностей к магии, всё же научился пользоваться светлым импульсом, а через несколько лет даже стал Магистром. Его случай – редчайший, и является странной смесью упорства и везения, до которого мне плыть, как водомерке до острова Кораллов.

– Прости, что не могу лично поздравить тебя. Я обязательно сделаю это вечером. Возникли важные дела на южной стороне Диска, – говорит папа. – Но подарок я могу отдать тебе уже сейчас. Ирма принесла тебе новую планшетку, а теперь поможет найти нового друга.

– Друга? – переспрашиваю я сдавленным голосом.

Неужели отец настолько отчаялся, и смирился с моей «неправильностью», что сделал для меня робота, или того хуже, заплатил живому человеку за общение со мной?

Папа кивает головой, ободряюще улыбаясь мне, ещё раз проговаривает поздравление, и, наконец, отключается.

Я вздыхаю с облегчением, поднимаюсь на ноги и направляюсь в гигиеническую комнату. Но Ирма обгоняет меня, перегораживает дорогу, и, виляя хвостом, требовательно тянет за ткань шортов в сторону столовой. Покорно следую за ней. Ирма всегда отличалась отменным аппетитом, так что сейчас насыплю ей свежего корма, и тогда уже пойду умыться. Но, увидев на столе коробку, я временно забываю про собаку. Сердце до краёв наполняется радостными предчувствиями и надеждой. Отец сказал, что меня ждёт новый друг... Так может, он купил мне сонёнка?..

Сонята – чудесные животные, и как можно понять из названия, имеют прекрасное (и очень полезное) свойство нагонять сон, когда хозяин об этом попросит. Я уже совсем измучился из-за своей бессонницы, да и от одиночества тоже. Если у меня появится такой волшебный и пушистый питомец, то в моей жизни станет куда меньше стрессов. А ведь я устал, ужасно устал, и держусь только на одном упрямстве, которого в моём характере в досталь.

Торопливо открываю коробку, ожидая, что в мои пальцы уткнётся пушистая крошечная мордашка.

Сейчас завоз животных из других миров строжайше запрещен, так как они могут изменить экосистему Диска. Мама занимается теми, что уже имеются, и с помощью магии улучшает характеристики их здоровья, понемногу выводит более устойчивое потомство. А вот сонята полностью искусственного происхождения. Они выведены с помощью магии, и их генетический код тщательно адаптирован к условиям проживания на Диске. Так же особенности их характера изначально были запрограммированы на поиск наилучшего контакта с людьми. Увы, есть одно «но». Они очень редко соглашаются на половой акт с себе подобными, а дают потомство ещё реже. И подсаживание эмбриона, и магическое оплодотворение в их случае не работают. Только случай. И только решение самой природы. Из этого следует, что таких зверушек могут позволить себе только самые высокооплачиваемые маги.

Неужто мой отец сподобился заказать для меня такого?

Но в коробке оказывается только новая школьная форма. И искусственный заводной хомяк.

Разочарование колет мои пальцы, кусает загривок, холодит кожу. Но я должен принять реальность, а не пытаться загоразживаться своим иллюзиями.

Гляжу на то, как маленький робот-хомяк носится по извилистому лабиринту, и молча кусаю собственный кулак. Это «животное» даже в руки взять не получится, так как лабиринт закольцован и не имеет выхода. Хомяк обречен носиться по кругу, лишь изредка, в качестве разнообразия, меняя направление или скорость. Ему не нужна еда и питьё. Не нужна моя забота и любовь. Ничего не нужно.

Вздыхаю и иду прочь, изо всех сил пытаюсь не разрыдаться от обиды. Я знаю, что папа изо всех сил старался порадовать меня, просто не догадался, как именно это можно сделать.

...К ужину, отец, конечно, не успевает.

Мама всё равно в назначенное время накрывает на стол, и, улыбаясь, предлагает мне собственноручно испечённого пирога. Я, конечно же, соглашаюсь, сажусь рядом с ней. Но аппетита нет, крошки свежего и сочного теста, словно безвкусная вата, забивают мой рот и перекрывают горло, мешают дышать, царапаются и почти вызывают тошноту.

Много месяцев я планировал устроить с родителями серьёзный разговор, и решил, что мой день рождения подходит для этой цели как нельзя лучше. В такой важный день мама и папа изначально настроены позитивно, хотят поздравить и порадовать меня, и поэтому после моей новости попробуют сдержать негативные эмоции – хотя бы из простой вежливости.

До сей поры я был решительно настроен, но сейчас, когда до оглашения тайны остаётся совсем немного времени, я уже ни в чём не уверен, и почти готов отступить.

Поразмыслив немного, я решаю пойти с самим собой на компромисс, и признаться для начала хотя бы маме, а потом попросить её подготовить к новости отца.

Но начать говорить я не успеваю.

Раздаётся звонок, мама берёт планшетку и улыбается, глядя на экран. Боковым зрением я замечаю, что на экране не папа.

Наверное, очередной поклонник её таланта, коих в последнее время всё больше. В свободное от работы время мама рисует прекрасные портреты (да и другие виды картин) на заказ.

Мимолётно потрепав меня по голове, она уходит из комнаты в коридор, и тихонько шепчется с кем-то.

У меня от природы острый слух, даже без всяких аппаратов и операций. Подкравшись к двери, я подслушиваю разговор, и из контекста понимаю, что речь идёт о моём подарке, который вот-вот привезут, а также о каком-то секрете, который мне рано или поздно предстоит узнать, так как я «уже совсем взрослый», и «должен всё понять правильно».

Что у нас за семья такая? У каждого из нас собственные страшные тайны.

Мысленно прикидываю, что родители могут скрывать от меня. Может, она хочет переехать обратно, в свой огромный и разнообразный мир, оставив позади маленький Диск, полный ограничений? У мамы роман на стороне, и она разговаривает с любовником, готовится к разводу и хочет меня к этому подготовить? А может, папа вконец достал её, целыми сутками не появляясь дома и не уделяя внимания? Или они с отцом попросту разлюбили друг друга?

Мои подозрения усиливается, когда она выходит из дома, подходит к новенькому траспортеру (небольшой летающей машинке, которых на Диске пока не более десятка), забирает из него большую коробку, заносит в дом, ставит в коридоре, но затем возвращается назад, к машине, садится в салон и уезжает.

Я жду её, сначала вполне спокойно, но затем начинаю волноваться всё сильнее и сильнее. Проходит несколько часов, и я звоню сначала отцу, потом – правоохранительным и поиско-

вым службам. Их официальное название – ППН, что расшифровывается как «предотвращение преступлений и несчастий». Так же они обязаны оказать помощь в тяжёлой ситуации. Но они не оправдывают своё название, не справляются со своей функцией и помочь не в силах.

Мама так и не возвращается.

Я проживаю одну из самых страшных и тревожных ночей в своей жизни, без сна и отдыха мотаясь туда-сюда по дому, наглаживаю Ирму или выпиваю очередную чашку чая.

Отец приходит только на следующий день, серый, словно плащ-дождевик, и сообщает, что мама попала в аварию и погибла на месте.

Я смотрю на него, не в силах осознать сказанное. Слова мечутся в голове, стучаются друг об друга и о стенки черепной коробки, валятся с ног, прыгают и взлетают: погибла, погибла, погибла, *погибла...*

Как это – «погибла на месте»? В нашем городе несчастные случаи происходят крайне редко, и итог их всегда благополучен. Медицина достигла впечатляющих высот, основную работу выполняют магические кристаллы, а врачам надо лишь оказать самую основную помощь. Когда я заработал себе тройной перелом руки со смещением, врачи лишь поставили кость на место, так, чтобы края перелома соприкасались, и обмотали руку стерильным волокном. А сращивание костей было обеспечено с помощью магии, и уже через неделю рука была полностью здорова, а двигательные функции даже улучшились, подарив суставам ловкость и гибкость, доселе мне неведомые.

– Вылечить можно многое. Но от смерти нет спасения даже здесь, – говорит мне отец, закрывая лицо руками и, не скрываясь, в голос рыдает.

В моих глазах – пустыня Сахара с планеты Земля, только без всяких оазисов. Глазам горячо и невыносимо сухо. Из них не скатывается ни слезинки.

Проходит пара недель. Я не хожу в школу, да и вообще, редко встаю с кровати. Большую часть суток я сплю, остальное время просто валяюсь, размышляя, просматриваю фильмы или листая новости в планшете. Правда, информация доходит до меня лишь частично, будто отсеиваясь сразу несколькими мощными фильтрами. Да и память работает не очень – даже сразу после просмотра серии я не смог бы рассказать, о чём она была.

Я даже не исхудал. По правде говоря, обычная еда не вызывает у меня интереса, а при попытке проглотить кусок, он будто застревает где-то в середине пищевода. Но отец каждый вечер заставляет меня выпить таблетку, содержащую необходимые витамины, микроэлементы и питательные вещества. Я не сопротивляюсь: это только добавило бы трудностей нам обоим. Чем быстрее я слушаюсь, тем быстрее он оставляет меня в покое. А покой – это то, чего я сейчас хочу больше всего на свете.

Отцу советуют отправить меня к врачу, так как я веду себя крайне странно, и до сих пор не выдавал никаких признаков горя. Отец не верит в «душеведов», но всё-таки соглашается. Врач, молодая женщина, никогда никого не терявшая, советует мне поплакать, устроить истерику, разбить что-нибудь, но я простожимаю плечами и продолжаю молчать.

– Это социопатия, – бормочет она в диктофон, хмуря брови, – он не может испытывать ни горе, ни сочувствие.

Мой хороший слух на этот раз не может оказать мне очередную услугу, так как между нами – невидимая стена, разделяющая врача и пациента, и я, по идее, не должен был услышать её последние слова. Врачиха думает, что эта стена – её спасение. Но, чтобы понять мысли и чувства собеседника, мне достаточно взглянуть на его лицо. А у этой женщины лицо живое, эмоциональное, да и артикуляция губ, как у хорошего логопеда.

– Социопатия. Это очень серьёзно, – произносит она, кривясь, и вертит в руках стилус.

Будь я прежним, то передёрнулся бы сейчас от омерзения.

Тут не нужно быть большим знатоком психологии, чтобы понять: она боится. Боится того, что я вскочу с места, сломаю невидимую преграду, натянутую между нами, брошусь на неё и попробую укусить её за шею. Я вижу: она мучительно придумывает, что же со мной делать, не отправить ли меня в соответствующее заведение. Но при этом я знаю, что пока поводов для этого нет: до сих пор я не демонстрировал склонности ни к агрессии, ни к суициду.

– Хорошо, что сейчас подобные отклонения можно нивелировать за пару месяцев, – говорит она себе, и затем с явным заискиванием спрашивает меня, не хочу ли я лечь в стационар. Я не хочу.

Помолчав некоторое время, она всё-таки решается и выносит вердикт:

– Тогда тебе стоит снова начать ходить в школу и начать понемногу вливаться в социальную жизнь, – и со стуком закрывает мою папку.

Половину ночи промучившись без сна, утром я еле-еле поднимаю себя из постели, и то, только из-за того, что отец запрограммировал домашнего робота безжалостно сдёрнуть с меня одеяло и гудеть жутким голосом до сих пор, пока я не встану и не отключу его. Сам отец не появляется в доме уже несколько суток, и следит за роботом и заодно за мной онлайн, через охранные системы дома. Я знаю, что занимается он этим раз или два в день, потому что и без того загружен делами. Также я в курсе, где в доме свободные от камер зоны, и иногда прячусь там, чтобы расслабиться. Поэтому подобная слежка меня не беспокоит.

Завтракать я не люблю, поэтому питательную злаковую кашу приходится выбросить в ведро для органических отходов. Каша вскоре переработается в удобрение для сада, и уж точно послужит куда более значительную службу, чем, если бы я её съел.

Собравшись, выхожу на улицу. Погода под куполом Диска, как всегда, благоприятная. Дует лёгкий ветерок, безуспешно пытаюсь нивелировать двадцати пятиградусную жару. Целых два солнца, одно большое, другое маленькое, сияют в небе, редкие голубоватые облачка у самой защитной сферы робко жмутся друг к другу, словно зная, что скоро разгонят несколькими разрядами электричества. Сейчас как раз тот самый сезон, когда на открытых полях поспевают фрукты и овощи, поэтому солнечного света нужно много. Из-за слишком высокой температуры воздуха людям приходится носить минимум одежды и пользоваться карманным кондиционером. Но скоро будут достроены теплицы и специальные оранжерейные сооружения, с искусственным солнцем внутри, призванные выращивать еду в куда более подходящих условиях, и нам больше не придётся целых три месяца жить в подобной непреходящей жаре.

В голове привычная благословенная пустота. Ботинки вяло шаркают по дороге, я вслушиваюсь в этот звук и бултыхаюсь в своём выпестованном, безопасном покое. Но вдруг, резко и неожиданно в памяти возникает мимолётное воспоминание: мне десять лет, мама провожает меня в школу, а я каждый раз устраиваю по этому поводу настоящую истерику, кричу, что уже вырос и могу сам позаботиться о себе, и веду себя словно глупый агрессивный щенок. По хорошему, я прав, так как город, да и всё поселение Диска, на удивление безопасное место. Тут нет криминальных личностей, к которым мама привыкла, пока гостила на Земле. Людям здесь просто нет причин идти на преступление, так как желаемого можно достичь, лишь приложив некоторые усилия (иногда совсем незначительные). Я уже тогда чувствовал, что отличаюсь от других детей не только происхождением своих родителей, но и чем-то ещё, и пытался нивелировать эти отличия. В частности, хотел ходить один. В итоге через несколько недель мама сдалась, уступила, и отпустила меня одного, а я тогда только вздохнул с облегчением, полагая, что отсутствие заботливой мамочки поможет повышению моему авторитету среди сверстников. *Не помогло.* Авторитет мой остался на низшем уровне, а вот отношения с мамой охладели, доверия поубавилось. Мама перестала нежничать со мной и называть своим маленьким котиком, но всё равно всегда была готова выслушать мои жалобы и поддержать в любой ситуации.

Ноги вдруг подгибаются. Внутри меня происходит атомный взрыв, я осознаю, каким дураком был. Осознаю, что исправить что-либо уже нельзя. Поздно. Как бы сильно я не хотел, мама больше никогда не проводит меня в школу.

Горе обрушивается на меня, словно многотонная плита.

Я корчусь на земле, громко крича и заливаясь слезами, такими обжигающе горячими и такими болезненными, что они, кажется, разъедают мою кожу насквозь.

Глава 2

Мне больше не снится море. Мне вообще почти ничего не снится, или я просто перестаю запоминать сны. Может, это и к лучшему.

Когда умирает человек – умирает не только он сам. Вместе с ним уходит и привычный уклад жизни, и часть души всех его близких. Рушится выстроенный, уютный мир внутри конкретно взятого дома, меняется уклад и привычки людей, проживающих в нём.

После гибели мамы проходит целых четыре года. И наш с отцом образ жизни за это время кардинально меняется. В доме больше не пахнет свежими булочками, а цветочки в горшках наотрез отказываются цвести, хоть я дисциплинированно поливаю их каждую неделю. Еду для меня готовит самая новая модель домашнего робота, в комнатах ведёт уборку пылесос на колёсиках. Мой отец почти перестал появляться дома. Всё своё время он посвящает разработке новых проектов, и мотается по Диску, будто специально выполняя задачи в самых отдалённых районах. Несмотря на это, я знаю, что он по-прежнему любит меня, хочет помочь и поддержать, но просто не может придумать, как именно это сделать. Он, наверное, давно забыл, что я вырос и могу сам о себе позаботиться, и потому каждый вечер он звонит мне на планшечку, желает хорошего сна и напоминает о необходимости хорошо питаться.

Я так и не решаюсь рассказать отцу свой секрет. Это не трусость – я просто искренне желаю побереечь его нервы. В последнее время у него много проблем и испытаний, и не нужно усугублять стресс, усталость и разочарование, которое он испытывает. Я и так проблемный человек, с кучей слабостей, страхов и недостатков. Мною сложно гордиться. Так что, наверное, хоть в одном из вопросов стоит вести себя мужественнее и скрывать своё отчаяние и тревогу.

Я принимаю решение, образно выражаясь, забыть про прошлое, выбросить его из себя, и начать создавать новое с нуля. Процесс идёт не быстро, но всё-таки идёт. Кажется. Я по-прежнему считаю себя лишним, неправильным и всеми отринутым. Но, несмотря на это, чувствую себя вполне сносно. Привык, наверное.

С потерей мамы удаётся сжиться. В последнее время мне понемногу становится легче, чувство вины отпускает, а вместо боли приходит печаль – тихая, спокойная и даже почти умеренная.

Но всё же, иногда горе настигает меня. Обрушивается неожиданно, словно солёная морская волна, ослепляет, обездвиживает, душит. Мне хочется упасть прямо там, где стоял, и кричать, царапая ногтями землю. Но я нахожу способ справляться: просто цепляюсь за любой предмет, находящийся поблизости, глубоко дышу и мысленно себя успокаиваю. Если никого нет рядом, то даже глажу себя по голове и вслух бормочу утешения. Помогает. Хотя, наверное, это и впрямь симптом какого-нибудь психического отклонения.

Проснувшись в день своего восемнадцатилетия, я потягиваюсь и несколько минут кряхлю жду прихода Ирмы, но она так и не появляется. За последние четыре года она сильно сдала, и уже не проявляет той щенячьей активности, как раньше, несмотря на все применяемые биодобавки, витамины и лекарства.

Встаю с кровати, протираю глаза одной рукой, а другой поддерживаю пижамные штаны, чтобы не свалились и не явили миру мою тощую задницу. Подхожу к роботизированному хомячку, рассеянно гляжу на то, как он носится по извилистому стеклянному лабиринту. Вот хомяк за это время совсем не изменился. Ну а с другой стороны, что ему сделается? Он же не настоящий. Если присмотреться, видно, как крутятся внутри блестящие круглые детальки.

«Жизнь продолжается», – говорит отец, пытаясь убедить меня отпраздновать день рождения, – «мама хотела видеть тебя счастливым, и уж точно не была бы против гостей и вечеринок».

Но есть одна «незначительная» деталь, меняющая всю картину – никакой вечеринки я не хочу.

У меня уже давно не было моих мучительных «приступов горя», как я их назвал, и мне не хотелось бы снова отдавать им свою душу на растерзание. А ведь они могут прийти, ведь сегодня – тот самый день, когда моя жизнь изменилась навсегда, и от этого факта не убежать.

Да и приглашать в гости мне, по сути, некого. Карина, моя подруга, с которой я ранее иногда общался, нашла себе молодого человека, и предпочитает быть в его компании. Одноклассники обычно даже не смотрят в мою сторону, лишь иногда устраивая мелкие подлянки, и точно не годятся на звание моих гостей. Люди, с которыми я общаюсь по планшетке, понятия не имеют, кто я такой и где живу.

Захожу в комнату гигиены, залезаю в турбо-душ. В течение десяти секунд упругие струи горячей воды обливают меня со всех сторон, затем подаётся мыльная пена. Несколько крутящихся мочалок вскользь поглаживают меня по спине. Маме не нравилось это изобретение, и она часто с ностальгией вспоминала глубокую эмалированную ванну, которая была у них с отцом в земной квартире, и о джакузи, которая была в Оклусе у её семьи. На Диске строго ограничены водные ресурсы, и на каждую семью выделяют лишь пятьдесят литров в месяц. Но этого вполне достаточно: ведь после использования вода возвращается в ёмкость, где тщательнейшим образом фильтруется и используется вновь.

Я так и не открыл ту самую коробку, которую мама оставила в коридоре перед тем, как исчезнуть из моей жизни навсегда. Я знаю, что в ней находится мой подарок – последний подарок от неё, но мне не хватает сил заглянуть внутрь. И отцу я этого делать не разрешаю. Он надеется, что сегодня я всё-таки решусь сделать это. Но, выйдя из гигиенической комнаты, я лишь поглаживаю шершавую матовую бумагу, любуюсь на эмалированную табличку с поздравлениями. И снова, в который раз говорю себе: «Нет. Не сегодня».

Высыпаю в миску Ирмы её любимый корм, и слышу, как она цокает коготками по полу, преодолевая расстояние до кухни. Глажу собаку по загривку одной рукой, а другой заталкиваю в рот половинку персика. Если в этот момент меня видит папа, то наверняка поставит в своём ежедневнике отметку о необходимости почистить организм, и мой, и Ирмы.

Итак, все традиционные утренние манипуляции совершены, и мне остаётся лишь одеться, подхватить планшетку, и выйти, наконец, в школу.

...Совсем скоро на моём предплечье окажется метка, которая будет означать, что я окончил среднее учебное заведение – и я мог бы гордиться этим фактом, если бы не одна «несущественная» деталь. Учусь я плохо. Любой человек, который поднесёт к моей метке сканирующее устройство, узнает, что по большей части мои баллы колеблются на уровне «ниже среднего». Последние два года у меня вполне официальное оправдание – а именно «эмоциональный шок в связи с несвоевременной потерей одного из родителей». Но проблемы с учёбой преследовали меня и до маминой смерти, поэтому, по сути, для моих низких результатов нет никаких причин, кроме лени и отсутствия мотивации. Ну, может ещё хронической депрессии из-за отношения сверстников.

Или, как вариант, я просто туповат от природы. Хотя это странно, с такой-то наследственностью.

Наверное, во всех мирах подростки слоны к глупостям, агрессии, экспериментам. Они всегда хотят проверить границы допустимого, всегда считают себя невероятно везучими, достойными всего самого лучшего, и главное, бессмертными. Об этом я думаю, когда смотрю на группу одноклассников, собравшихся на крыше пляжного магазинчика. Сначала они просто

стоят на краю, курят, орут вниз всякие непотребства, а затем шутки ради, самый рискованный из них, подговаривает остальных раскатать его и скинуть далеко в сторону, чтобы как раз долететь до кромки воды. Моя интуиция громко пищит, что это очень плохая идея – глубина озера неравномерная, Магистры при его создании пытались учесть естественный рельеф, который свойственен Земной природе. Когда они сообразили, что естественность не всегда удобна и логически обоснованна, было поздно. До исправлений в проекте озера дело пока не дошло, хотя разговоры об этом идут уже не первый год.

Рядом никого нет, все взрослые сегодня заняты подготовкой к празднику. Магазинчик этот уже давно закрыт – как-то не пошла торговля сладостями на жарком пляже. Даже если я выберусь из своего укрытия, пробегу пару километров до оживлённого парка и попытаюсь позвать кого-то из охраны, то вернусь лишь тогда, когда парня уже скинут в воду, и его переломанный труп будут обглаживать специально заселенные в пруд каракатицы, как раз предназначенные для очистки воды от органических отходов.

Я знаю, что один только мой вид отвлечёт их, поэтому выбираюсь из кустов, где валялся с планшеткой. Наверное, спустя минуту я раз пожалею о своём решении, но всё же не могу поступить иначе. Я на своей шкуре знаю, как иногда меняют судьбы простые несчастные случаи, неловкие стечения обстоятельств.

– Кто это здесь? – их гогот сразу же оправдывает мои ожидания, – неужели сюда посмело явиться такое жалкое шармито?

Я кусаю щёки изнутри и морщусь. Шармито – жалкое существо, недостойное существования, не способное производить хоть сколько-нибудь осознанные действия и не приносящее никакой пользы. Но, правда в том, что никто из них ничего полезного тоже не сделал. Они такие же, как я, но смеют отрицать это, искренне считая, что возвышаются надо мной не только десятиметровой высотой здания, но и интеллектом, красотой и везением.

Я молчу и лишь нервно приподнимаю плечи и передёргиваюсь. Как обычно, я мысленно уговариваю себя «быть умнее» и не реагировать. Но умным себя почему-то не чувствую.

– Он что, следил за нами? Вот же мерзость! – кричит кто-то из них, так громко, что голос разносится по всему пляжу.

– Он вообще умеет говорить? – зло интересуется у друзей Исанны, блондин из параллельной группы.

– Вчера его вызывали с докладом, он пытался что-то прояснить, тихо и неразборчиво, я ничего не поняла, – звонко объясняет единственная в их компании девушка, и по совместительству бывшая моя подруга.

В младших классах мы с ней сидели рядом, всегда выбирали друг друга в пару во время лабораторных работ, проводили вместе время, играли у меня дома в компьютерной симуляции, ну и всё такое прочее. Однако сейчас, когда мы стали взрослее, она отдалилась от меня, и ведёт себя уже не как близкая подруга, а как хорошая знакомая. Но здесь я не удивлён. Разумеется, ей интереснее с другими ребятами. Ей уже не хочется носиться со мной по парку, собирая в банку жуков и пестуя амбициозную мечту по постройке жучиной фермы. Ей хочется общаться, ходить на свидания, в театр и кино, устраивать вечеринки. А я – существо асоциальное, и со мной неинтересно, трудно и бесперспективно. По сути, мне до сих пор интересно мотаться по парку, правда, уже не ради собирания жуков, а ради простого молчаливого созерцания.

Она влюблённым взглядом смотрит на Исанны, и явно мечтает во всём ему угодить. Видя этот взгляд, я сразу ей всё прощаю. Любовь – страшная штука, ей нельзя приказывать пойти вон. Эта чёртова любовь управляет поступками человека, меняет его, и часто таким вот образом заставляет забыть о самоуважении, пресмыкаться, подлизываться и терять свою личность.

– Что оно здесь делает? Какого чёрта пряталось и подглядывало за нами? Оно извращённое, тупое или безумное? – брезгливо продолжает издеваться компашка, действительно, забыв про намерение сбросить Киртиса с крыши.

Мне не привыкать – моё-то самоуважение давно сдохло в корчах и мучениях, и чтобы не нюхать нестерпимую вонь от его протухших останков, пришлось закопать их на задворках подсознания и забыть. И даже пресловутой любви не понадобилось для таких печальных изменений в личности.

– А ну иди сюда, – свистит мне сверху один из парней.

Отступать поздно, да и трусливо, но я всё же делаю несколько шагов назад, затем поворачиваюсь спиной, пытаюсь сделать вид, что не слышал или не обратил внимания на эти слова. Конечно, этой жалкой попыткой не обмануть ни их, ни даже себя. Но поступить иначе – сложно. Страх, обида, ненависть к себе сдавливают шею, мешая дышать.

Но ребята уже раззадорили друг друга и не намерены так просто отпустить беспомощную, пусть и не очень интересную жертву.

Уже через пару минут, они с гиканьем догоняют и ловят меня, а затем тащат назад, к магазинчику. А потом и вовсе, поднимаются со мной наверх, приговаривая, что даже такому конченому трусу, как я, будет не страшно постоять на крыше, или даже прыгнуть с неё. Ведь на это способны даже самые жалкие и бесполезные создания.

Я с самого начала знал, что ничем хорошим моё появление около них не кончится, и потому не очень-то удивлён. Тело зажато, все мышцы так сильно напряжены, что я даже не в силах сопротивляться, не могу врезать хоть кому-то из них в ухо. Да что там – ни ругательства и проклятия, ни даже жалкие просьбы не вырываются из моей глотки. Я будто связан, закован в футляр, заколдован, заморожен, и заранее разбит об жёсткую водную гладь.

Меня поднимают на руки, раскачивают, готовясь бросить в воду, и я до конца даже не верю, что это происходит со мной.

– Оставьте его в покое, – вдруг громко кричит Дженнис, решительно распахивает стоящих на краю парней, выдирает меня из их рук. – Стоило мне только спуститься вниз, чтобы отлить, как вы учинили очередную чушь! Вы подумали своими жабыми мозгами о последствиях? Что с вами сделают за покалеченного сына Магистра?

Его слова отзываются в моём сердце с болью. Вроде бы я спасён, но только потому, что по недоразумению прихожусь сыном влиятельному человеку.

Но Дженнис продолжает удивлять:

– И вообще, сволочи охреневшие, десять на одного, это тупо и трусливо. Позорные засыхи.

Как ни странно, никто из «засых» не рвётся начистить ему лицо за такие слова. Хоть их и больше, но они трусливее его. И ответить на его слова им нечего.

– Идём, Ингрис, – Дженнис тянет меня за рукав и уводит в сторону, на противоположный край крыши. – Покурим, успокоимся, да и спустимся.

Я беру из его рук сигаретку. Вообще-то, курить на Диске строго запрещено, так как эта привычка считается вредной не только для здоровья, но и для окружающей среды. Отец рассказывал мне, что на Земле сигареты совсем другие, они содержат табак, никотин, смолы и кучу другой дряни, но даже там люди не в силах отказаться от них, и чуть ли не половина всего населения является заядлыми курильщиками. Здесь же всё куда безобиднее: берётся высушенный лист от Тракового дерева, в него заворачивается смесь от Толстого кактуса, бискуса и хмеля. Полученную самокрутку поджигают зачарованным огнём так, чтобы слегка тлела, не затухая. Затем вдыхают дым с чадающей стороны раскрытым ртом, и выдыхают носом. Выглядит это некрасиво, вкус неприятен, запах и вовсе сладковатый и отвратительный, но зато у курящего эту дрянь человека улучшается настроение и самочувствие. И именно это мне сейчас и надо, тут Дженнис прав.

Зажимаю рукой нос, разеваю рот, словно малыш у логопеда, глубоко вдыхаю, и чувствую, как синеватый дымок заполняет мои лёгкие и всё моё тело.

С трудом подавляю кашель. Однако на глазах всё же выступают слёзы. Дженнис понимающе хлопает меня по плечу:

– Ничего. Это с непривычки.

– И чего это он возится с этим тупарём? – раздаются непонимающие голоса остальных.

Они сгрудились в стороне и тоже курят, иногда бросая в нашу сторону неодобрительные взгляды. Моя бывшая подруга, пользуясь тем, что внимание её визави занято другим вещами, берёт его под руку, приближает свою щёчку к его лицу, якобы стараясь дотянуться до чадающей дымом палочки, но на самом деле желая быть к нему как можно ближе. Но тот стряхивает с себя её руки, но затем, одумавшись, обнимает сзади, положив ладони на грудь. Она деланно смеётся, ей явно неловко и неприятно. Остальные ребята одобрительно гогочут.

– Если эта девушка тебе нравится, достаточно вести себя как последний козёл, и она вся твоя, – говорит мне Дженнис.

Я киваю, так как тут глупо спорить.

Только вот Карина не нужна. По крайней мере, в качестве девушки – точно.

Вздыхая, отворачиваюсь в сторону, чтобы скрыть интерес, и втихаря бросаю на собеседника косой взгляд. Я впервые рассматриваю его так близко.

У него тёмная кожа, тёмные глаза, тёмные волосы, и он очень красиво смотрится сейчас, спокойный, расслабленный, освещенный мягким солнечным светом, окутанный лёгким голубоватым дымом. Мне хочется поблагодарить его за спасение, но я не могу раскрыть рта, и не хочу ещё сильнее унижить себя, хотя, кажется, сильнее уже некуда. Но, к счастью, ему не нужна ни благодарность, ни даже простая беседа со мной, он молча вдыхает дым, не забывая и мне давать вдохнуть, и задумчиво смотрит вдаль, на озеро.

– Этот Ингрис всего лишь жалкий слабак, – говорит за нашими спинами Рочестер, специально повышая голос так, чтобы я точно его хорошо расслышал. – Какой там прыжок с крыши, если он на спортивном занятии на даже дециметр не может от пола оторваться. Тюфяк, позорник, тьфу.

Дженнис сжимает губы и кулаки. Он снова готов защитить меня, я чувствую, знаю это.

И вдруг что-то происходит. Моё самоуважение, всё это время мирно покоившееся под землей, вдруг просыпается и выкапывается из своей могилы, собирает и прилепляет к себе отваливающиеся конечности, встряхивается и выпрямляется. Своим ростом и весом оно вытесняет, выдавливает из сознания страх. Лишившись своего места, страх бежит прочь, жалобно попискивая и подметая хвостом дорожку.

Я прищуриваюсь и зло выдыхаю. Я не могу позволить, чтобы кто-то другой защищал меня. Да и невозможно это. Только я, я сам могу ответить не только мучителям и хулиганам, но и собственной мерзкой, несправедливой судьбе, бросить вызов своему мировоззрению, безжалостно пнуть тягу к спокойствию и несопротивлению.

Я знаю, что глупо было бы стараться доказывать что-то кучке подростков. Но в данный момент я всё же хочу, безумно хочу доказать, что я достойный человек, что я – личность. Доказать не им, а самому себе.

Мне надоела позиция молчания и невмешательства. Она не помогает мне. Она разрушает меня. И я больше не могу этого допускать.

– Не надо, Ингрис! – вскрикивает Дженнис и протягивает руку, чтобы остановить меня, но его пальцы хватают лишь пустое место.

Я уже несусь к краю крыши.

Самое главное сейчас – не засомневаться и не притормозить у самого конца. И я не торможу, наоборот, ускоряюсь, и отталкиваюсь вперёд и вверх, выбрасывая своё тело, словно тяжёлый спортивный снаряд. И целых несколько секунд испытываю скоростной полёт пополам с невесомостью.

...Я прихожу в школу уже на следующий день. Благодаря принятым лекарствам организм легко справляется с кровоизлиянием в мозг и ушибами по всему телу. С переломом чуть сложнее: повязку с руки можно будет снять только через три дня.

Взрослым объясняю, что просто неудачно упал и ударился, и эту версию охотно принимают, даже не думая сомневаться. С самого детства умею виртуозно врать, делая крайне убедительные и невинные глаза, и это умение не первый раз меня выручает.

Казалось бы, ребята должны быть благодарными за то, что я решил скрыть их агрессию и подстрекательство, иначе не избежать им наказания. Но все участники вчерашних событий сторонятся меня и делают вид, будто ничего не произошло. Только Карина, моя бывшая подруга, смотрит на меня со странной смесью сочувствия и уважения.

Мне очень повезло. Я прыгал головой вниз, и успел вытянуть перед собой руки. После удара о воду щедро хватанул её ртом, но не запаниковал и не почувствовал дезориентацию. Поверхность воды надо мной высвечивалась серебристо-зелёным, влекущим светом. И я просто принялся грести к ней, отталкиваясь от воды руками, ногами, всем телом. Сам не помню, как именно умудрился выбраться на берег.

И самый странный факт во этой всей истории – мне понравился мой полёт.

Было просто здорово! И я ничуть не сожалею, что решился. Пусть немного безумно, зато храбро и вызывающе: этим поступком я будто бы бросил вызов условностям, здравому смыслу, трусости... и оказался в выигрыше.

Я успел поднадоесть сам себе своей нерешительностью. И сейчас, когда, наконец, сумел что-то с этим сделать, то мириться с собственным существованием становится куда легче.

Да что там мириться. Даже больше. Намного больше.

Я, без преувеличения, горжусь собой. И, если бы мне предложили повторить, то не стал бы долго раздумывать, а просто прыгнул снова.

Впервые за долгое время моё настроение можно охарактеризовать как «приподнятое».

Но уже к вечеру я снова умудряюсь встрять в неприятности.

Всё начинается с того, что у выхода со школьного двора я встречаю компанию ребят, почти в том же составе, как и вчера, лишь с небольшими отличиями. Среди них нет Карины, и нет моего вчерашнего защитника, зато есть новенький парень, появившийся в школе только сегодня. Насколько я знал, он переехал из отдалённого района в связи с тем, что его отца назначили на новую должность здесь, в центре Диска.

– Ну и уродец у вас учится. И как его к людям-то допустили? Такого надо в подполе держать, – с фырканьем говорит этот новенький.

Очевидно, он весь день мониторил положение дел, изучал отношения в классе, и сейчас, сделав выводы, решает повысить своё авторитет, и унижить самого слабого человека, которого окружающие либо игнорируют, либо обсмеивают. Да, этот слабак – я.

Он наблюдательный, этого не отнять. Но, очевидно, с фантазией у него плохо, интересное или смешное оскорбление не выдумывается, поэтому он выдаёт вполне стандартное:

– Страшная морда какая, – высказавшись, он кривится, и разглядывает меня с преувеличенным интересом, словно блоху под микроскопом.

Как назло, в его внешности нет ни одной детали, к которой можно было бы придраться. Он привлекателен до безобразия, до тошноты. Черты такие правильные, такие вызывающе-аристократические, что хочется ударить его по лицу неочищенной селёдкой. И это просто генетика, без участия косметических операций. По правилам Диска, до них можно дорваться только после двадцати пяти лет, при наличии очевидных показаний, да и то, только после проверки на дисморфофобию. Психические отклонения, неврозы, недовольство своей внешностью, депрессия, социопатия и даже шизофрения – всё это присутствует на Диске,

правда, в меньших масштабах, чем на Земле, и лучше поддаётся лечению. Но Магистры, как люди мудрые, всегда пытаются предупредить возможные проблемы и обезопасить каждого.

Никто не выбирает, с какой внешностью родиться. Этот факт очевиден каждому. Но всё равно, почему-то все окружающие ведут себя так, будто красота – личная заслуга этого засранца, огромная привилегия, подаренная, как минимум, за великий подвиг.

– Он чёртов псих, поосторожнее с ним, – предупреждает его Исанни, видевший, как я прыгал с магазинчика в озеро.

Да, я псих. Именно этот имидж сейчас подходит мне, и именно это мнение о себе я хочу укреплять и поддерживать.

И я чувствую, как нечто внутри меня расправляется, расширяется во все стороны, я выдыхаю, наслаждаясь этим ощущением. И затем, чеканя шаг, направляюсь прямо к новенькому.

Меня одёргивают, толкают, даже пинают под коленку, но я этого не чувствую. Мне совершенно нечего терять. Максимум, что я получу – это десяток тумаков, но синяки или даже переломы заживут, а вот душа и чувства – нет. И я больше не желаю позволять кому-то задевать моё самоуважение, так эпично и так вовремя ожившее и восстановившее из-под земли.

Я намереваюсь просто толкнуть «новенького» в грудь, прошипеть пару оскорблений, но тут он, вдруг всё же поймав вдохновение и разбудив от сна фантазию, добавляет:

– Твоей позорной мамаше стоило бы вставить в задницу десяток дохлых ежей, как затычку, за то, что выдавила такую кучу говна, как ты. Но она вовремя окочурилась и сгнила от стыда.

И тут мои глаза застилает гнев. Слепой, всепоглощающий, беспощадный. Я слышу, как смех этих уродов захлёбывается, когда с силой ударяю новенькому кулаком в челюсть. Его голова откидывается вверх, а я продолжаю сыпать удары, в грудь, в живот, наконец, луплю его скрюченное на земле тело ногами. Остальные, придя в себя, начинают орать что-то невразумительное, тащить меня в сторону, осыпать ударами. Далее я совершенно теряю контроль. Бросившись в бой, я, словно помешанный, бессистемно размахиваю руками и ногами, царапаюсь, даже кусаюсь. И, кажется, умудряюсь сломать нос одному из присутствующих, вырвать клочок волос у второго, и воткнуть стилус в ногу третьему, прежде чем меня валят и пинают по почкам.

Я сплёвываю кровь с разбитых губ и совершенно не чувствую боли.

Всё-таки очень хорошо, что подросткам нельзя пользоваться магией, иначе дело точно дошло если не до убийства, то до серьёзных травм – точно. Но, к счастью, серьёзной и масштабной магией владеют только Магистры, и именно они имеют для этого специальный преобразующий браслет. А обычный гражданин Диска может пользоваться только мелким бытовым волшебством, к примеру, чистить от грязи одежду, заправлять кровать, быстро резать морковку. Считается, что в двадцать пять лет наступает «возраст сознательности», и именно тогда и выдаётся маленький преобразующий браслет, способный на такое вот мелкое колдовство. А подростки не способны осознать последствия поступков в полной мере, склонны к экспериментам, шалостям, куда им эти браслеты? Даже с мелкой бытовой магией они способны натворить целую кучу неприятностей.

Ну, по правде сказать, мы и без магии достаточно неприятностей натворили.

Всю компанию доставляют в медблок, и каждому приходится просидеть под регенерирующим аппаратом не менее получаса.

И отец, и руководство школы ужасно мною недовольны. Именно мной, ведь я никогда раньше не выказывал агрессии, не ввязывался в драки, не устраивал выяснения отношений. А если человек всё время сидел тихо, а потом вдруг решился высказаться или произвести какое-либо действие, то окружающих это вводит в ступор, непонимание и возмущение. Именно

поэтому всем остальным участникам драки лишь объявляют выговор, а мне, как зачинщику, обещают хитрое и длительное наказание.

Проректор самолично придумывает план, чтобы проучить меня и заодно вынудить послужить на благо ненаглядной школы. Коротко говоря, он вменяет мне в обязанность посетить параллельный мир, чтобы достать там необходимую ему редкость. Более того, это нужно будет сделать во время каникул, и великого праздника урожая.

Он, должно быть, плохо меня знает. Я совсем не опечален тем, что пропущу какую-то там вечеринку. В любом случае, я бы на неё не пошёл. Да и каникул мне не жаль. Я собирался провести их, валяясь дома с Ирмой и планшеткой... А подобное времяпровождение не отличается ни интересом, ни разнообразием.

Но вот путешествие в другой мир... Это уже серьёзно.

Я знаю из рассказов отца, что Земля – мир неприветливый и суровый. В нём нет магии. *Вообще* нет. Ни единой капли. Зато в нём есть несколько миллиардов людей, которые отстроили вокруг себя огромную технократическую инфраструктуру, развели огромное множество рогатого скота, которое сами же и употребляют в пищу.

Все эти необычные факторы меня нервируют. К тому же, страшно менять место жительства, пусть даже всего на несколько дней. Из меня плохой путешественник.

Думаю о том, что по всему нашему Диску проложена рельсовая дорога с поездами, которые каждое утро на огромной скорости за какие-то четыре с половиной часа наворачивают круг по всему экватору. А я даже из простого интереса не проезжал этот круг полностью, и вообще никогда не удалялся из дома дальше, чем на пару часов пути.

Да, я страшно боюсь предстоящего путешествия. Но в то же время жду его, справедливо полагая, что отдохну от рутины, узнаю что-то новое и испытаю приключение.

Итак, одолеваемый противоречивыми эмоциями, я отправляюсь домой, где продолжаю волноваться, в деталях вспоминать свою эпичную драку, думать о Земле и вообще, в целом снова и снова портить собственные нервы. Так провожу почти целую ночь, и лишь благодаря тёплой собаке под боком всё же задрёмываю в начале четвёртого утра.

А на следующий день убеждаюсь, что мои проблемы – вовсе не сон и не плод случайной фантазии.

Проректор вызывает меня в кабинет, и вручает папку. В ней содержится и причина моего наказания, и короткое и описание планеты Земля, а так же подробный план действий, которые мне следует выполнить.

Итак, я должен выбрать безопасную зону, без войны и иных конфликтов, с хорошими погодными условиями и красивой местностью, желательно в крупный город. Затем отправиться туда, достать местную валюту и купить странный ингредиент под названием «сахар». А затем вернуться назад, подтвердить справедливость наказания и больше никогда не поступать так необдуманно.

Взволнованно хмурюсь.

Сахар? Это ещё что такое?

Проректор охотно объясняет, что собирается опробовать его в качестве улучшителя вкуса пищи. Если ему понравится вкус – то следующие наказанные дети принесут семена сахарного тростника, которые посадят в наших сверхоборудованных теплицах, а уж проректор попытается вырастить, подвергнуть обработке, и там уже решит, стоит ли результат всей этой возни.

Отец, узнав о цели моего путешествия, впервые за долгое время искренне хохочет. Делаю соответствующий вывод: либо достать на Земле сахар – задача невероятно сложная, либо напротив, нет ничего легче. Пытаюсь расспросить его, но он лишь загадочно ухмыляется в ответ. Наверное, хочет проучить меня за эмоциональный срыв и организацию драки. Наверное,

он и правда не ждал от меня подобных вывертов, так как привык к моему тихому, безэмоциональному поведению... Именно этот диссонанс и вызывает столько вопросов, непонимания и возмущения.

Начав свою обличительную речь, отец несколько раз повторяет, что крайне разочарован моим поведением, но притом выглядит таким довольным, что я не могу воспринимать его слова серьёзно. Потом становится ясна и причина его радости от моей «командировки» на его родную Землю. Он имеет на меня планы. Он доверяет мне личное, тайное задание, а именно, просит купить в аптеке (местном специализированном магазине) целую кучу средств. Он склонен к частым простудам, а Запас лекарств, привезённый им с Земли, закончился ещё пару лет назад. Именно простуду магия Диска лечить почему-то отказывается, и человек вынужден несколько дней ходить, чихая, кашляя и терпеливо ожидая, пока «само пройдёт».

Сам отец, конечно, не имеет возможности вернуться на Землю и купить нужные средства. Практически все взрослые люди благодаря магии, растворённой в воздухе, избежали множества заболеваний, как возрастных, так и случайных. Без магии, царящей вокруг, они погибли бы уже через пару часов, испытав колоссальную нагрузку на организм в целом, и на каждый орган в частности. Проще говоря, отец, оказавшись на Земле, снова заболел бы раком, но к нему добавились бы куча других заболеваний, от которых он мог бы получить инфаркт на месте. А вот я ещё подросток, у меня нет проблем ни с венами, ни с внутренними органами, мне даже замену суставов не делали, а сращенная рука от тамошней атмосферы точно снова не переломится, поэтому я вне опасности.

Но всё же мне необходимо пройти несколько неприятных процедур, с целью максимально облегчить и обезопасить моё пребывание на Земле. Мне вживляют под кожу несколько бионических чипов, которые активизируют иммунную систему для борьбы с возможными вирусами и бактериями, к которым не приспособлен мой организм, выросший в тепличных условиях. После этого мне в уши вводят лингвословарь, который будет синхронно переводить для меня речь чужаков.

На моё счастье, физические данные земных аборигенов с виду практически не отличаются от наших, так что маскировка мне не нужна. Вообще, насколько мне известно, что в тех мирах, где существуют люди, эти самые люди имеют примерно одинаковые наборы ДНК, и выглядят привычно: две руки, две ноги, голова. Ни у кого из них не наблюдалось ни щупалец, ни жабр, ни крыльев, ни другой экзотики. Странно, ведь необычная экипировка не была бы лишней, особенно в сложных для выживания условиях. Но на это эволюция почему-то не расщедрилась.

На Диске медицина предлагает для подростков специальный корсет с магическими пластинами. Благодаря его влиянию, у девочки формируется красивая небольшая грудь, талия и попа стандартного размера, а у парней – развивается мускулатура до тщательно выверенной нормы. На гипофиз оказывается влияние с помощью витаминов и таблеток, поэтому все рост у всех примерно одинаковый. Эта «уравниловка» позволяет смешаться с толпой и искать индивидуальность в более важных вещах, но конкуренция во внешнем виде всё равно появляется в полном спектре, и подростки судят друг друга в основном по внешности.

Я родился на Диске, но корсет на меня не надевали из-за идейных соображений. Мама всегда ратовала за естественность и натурализм во внешности и поведении, что я, к слову, никогда не понимал. Эта «естественность» не подарила мне ничего хорошего, вынудив довольствоваться невысоким ростом и тощей, невразумительной фигурой. Мои сверстники шире в плечах, выше, и от того выглядят внушительнее и ведут себя куда увереннее. Надо мной же частенько посмеивались, и всегда выделяли не только сверстники, но и учителя. К примеру, повторяли, что мне необходимо сесть ближе к учительскому столу, а на спортивном занятии наоборот, ставили в самый конец шеренги.

К счастью, на Земле все люди совершенно разные. У них отличаются и цвет кожи, и разрез глаз, и рост, и черты лица, и развитие мускулатуры. Мне кажется, что разнообразие внешностей – это прекрасно. И мои особенности там примут как данность.

Внешне я впишусь полностью, а вот более сильный иммунитет и хорошее развитие внутренних органов, они проверить и заметить никак не смогут.

В нашем мире Магистры разработали специальную магическую сыворотку, которая в обязательном порядке вводится каждой беременной женщине, благодаря чему эмбрион развивается без генетических ошибок и без патологий, а органы и ткани его укрепляются. Благодаря этому изобретению был практически разрешён масштабный кризис рождаемости на Диске, и сейчас население стремительно растёт. Решены и внутренние проблемы плода, и отрицательное воздействие внешней среды на ребёнка. Женщины у нас больше не боятся рожать, наверняка зная, что их малышу совершенно ничего не грозит. И даже моя мама, любящая естественное течение вещей, всё же принимала это лекарство, благодаря чему я родился физически здоровым. Хоть в этом мне стоит быть благодарным и ей, и судьбе.

...Отправляясь в немагический мир, я готовлюсь к худшему. По моему мнению, меня ждут миллионы всяческих трудностей, мне придётся знакомиться с совершенно новой флорой и фауной, искать контакта с местными, разыскивать неизвестный ингредиент... Но неожиданно для себя я получаю несколько дней абсолютного, концентрированного рая.

Глава 3

Объявляюсь в какой-то узенькой улочке. Место телепортации, конечно же, выбрано не случайно: система проверила, что здесь нет прохожих, в данный момент никто не смотрит в окна, и даже не прячется поблизости.

Моё внезапное появление никто не заметит.

...Несколько секунд я просто неподвижно стою, пытаюсь прочувствовать чужой, незнакомый мир, познакомиться с ним на клеточном, интуитивном уровне.

Вдыхаю здешний воздух: он непривычен, насыщен оттенками самых разных ароматов, и будто бы слегка горьковат. Ну, надо было это ожидать, ведь здесь-то не стоят сооружения по очистке атмосферы от примесей и летающей пыли. Странно, но мне это даже нравится.

Вокруг всё незыблемо, спокойно, и совершенно безобидно. Мои страхи и домыслы, обгоняя и толкая друг друга, уносятся прочь. Впереди у меня целая неделя, и за это время можно успеть совершить кругосветку, а не только отыскать сахар для Магистра. Мне совершенно некуда торопиться, я впервые могу побыть наедине с собой и отдохнуть. Я ощущаю это всей кожей, всем нутром, и с предвкушением улыбаюсь. Любуюсь улочкой, убегающей вдаль, и одновременно созерцаю непривычное спокойствие, внезапно возникшее внутри меня.

Приятные, непривычные ощущения окутывают, словно плотное облако ваты, и я с удовольствием погружаюсь в них, и чуть ли не впервые за жизнь отпускаю надоевший тотальный самоконтроль.

Да, надо признать, этот мир встречает меня вполне приветливо.

Отец рассказывал мне правила и основы, но честно сказать, я почти его не слушал. Почему-то хочется самостоятельно во всем разобраться.

Я решаю по-настоящему окунуться в здешнюю жизнь, и для начала планирую самые бытовые действия, вроде посещения ресторана, поездки в транспорте или прогулки в сквере. Все эти вещи для местных жителей привычны и сами собой разумеются, а для меня – нечто новое, неизведанное и потому волнующее.

Жаркий летний полдень. Солнце – только одно, но зато огромное и жаркое, висит прямо над головой и будто бы обнимает весь город, весь мир, и меня вместе с ним. Двигаюсь по улице, улыбаясь своим мыслям, слушаю лёгкое ворчание гравия под своими ботинками, подставляю лицо тёплому летнему ветру.

Замираю, увидев маленькое пушистое существо – кошку. Она дремлет, растянувшись на солнечном пятне, и явственно наслаждается жизнью. Красивое всё-таки существо. Особенное. Мама очень хотела себе кошку, и сожалела, что смогла захватить с Земли только собаку Ирму, да и то, её тогда ругали за «перегруз», так как в те времена телепортация не была освоена в столь хорошем качестве, как сейчас.

Делаю к кошке пару шагов, опускаюсь на корточки и касаюсь горячей шерсти. И понимаю, почему мама не завела вместо настоящей кошки сонёнка. Кошка более... настоящая что ли. От неё пахнет солнцем и молоком. Она живая, правильная в своём лёгком несовершенстве. Она буквально транслирует странную энергию единения с миром, что восхищает меня и даже заставляет немного завидовать. Кошка смотрит на меня своими слегка прищуренными зелёными глазами, затем медленно и лениво потягивается, и я заискивающе ей улыбаюсь.

Мне совсем не страшно, я не жду случайных укусов, не боюсь токсоплазмоза, блох, глистов или подобной дряни, о которой меня предупреждал проректор, помешанный на микробиологии. Той же самой рукой, которой гладил животное, ерошу свои волосы. Почему-то я очень легко отбрасываю «условности». Видимо, так на мне сказывается смена обстановки. Мне хочется жить нормальной жизнью и прекратить сдерживать себя, тем более по таким пустякам.

Я решаю провести эти дни в удовольствие, и делать всё, что захочу. Неужели я не заслужил этого, за все те годы беспросветной тоски и любования этой тоской?

Остаётся только радоваться тому, что я психанул, сорвался и устроил ту драку. Если бы не тот случай – я так и жил бы в покое и стагнации, так и варился бы в мерзком однообразном бульоне, и даже не мечтал вдохнуть свежести и свободы, которая окружает меня в данный момент.

Оглядываюсь вокруг, примечаю вдалеке крохотный ресторанчик, и уверенным шагом направляюсь туда.

Там я получаю горький дымящийся напиток, а в довесок к нему – пару маленьких пакетиков с неким сыпучим материалом.

«Сахар» – читает в моём ухе лингводекодер. Сердце радостно трепыхается. Ну и ну! Это ведь именно то, зачем я сюда явился! Впервые классическое и привычное невезение покинуло мою скромную персону, уступив место невероятной, практически сказочной удаче. Не веря сам себе, вновь и вновь читаю название на упаковке. Сахар. Сахар. Сахар.

Значит, в этом мире искомый ингредиент настолько доступен, что его раздадут всем желающим!

Понаблюдав за поведением других посетителей ресторана, я замечаю, что в обмен на напитки и еду принято отдавать некие прямоугольные бумажки. У меня таких бумажек нет. Да, отец упоминал, что в этом мире своя собственная платёжная система, но, собираясь в «командировку», я начисто забыл об этом, и прихватил только платёжные средства своего мира, блестящие камушки – аммониты. Сообразив, что поторопился с выводом о проклянувшемся у меня везении, я задумываюсь, как бы сбежать из ресторана, не заплатив.

Но тут рядом со мной приседает растрёпанный русоволосый парень с бутылкой в руках.

Вяло поинтересовавшись, не имею ли я ничего против его компании, он от щедрот своих плещет жидкость из своей бутылки – прямо в мою чашку с остатками кофе. Ну, кто знает, может у них, землян, так принято? Я вспоминаю, что собирался ни в чем себе не отказывать. Послушно делаю глоток и морщусь. Какая-то горькая, и в то же время приторная муть, отдающая ароматом острых орешков и водорослями.

Незнакомый напиток практически моментально что-то выключает в моих мозгах, непривычных к воздействию стимуляторов.

Я снова тороплюсь с выводами: удача и впрямь в буквальном смысле садится мне на голову. Мой новый знакомый, а зовут его Олег, оказывается интересным и приятным собеседником, человеком без комплексов и без снобизма. Общаемся мы так, будто знакомы уже несколько лет. И это несмотря на то, что родились и выросли в совершенно разных мирах!

Сообщив мне, что моё имя слишком сложное для Земли и совершенно мне не подходит, Олег предлагает называть меня Игорем, и неожиданно сия идея кажется мне гениальной. Игорь – совершенно новый человек, везучий, спокойный, уверенный... А неудачник и тихушник Ингрис будто остался в своём мире навсегда.

Его имя тоже непривычно звучит, я и так и эдак примериваюсь, пытаюсь переиначить его на свой манер. Но долгое время ничего не получается. Я лишь зря скриплю мозгами и делаю всё новые и новые глоточки из своей чашки. А потом это ужасное пойло всё-таки действует, и новое имя, словно птичка, вдруг вылетает изо рта, родившись само, без участия моей фантазии. Оно ласковое и в то же время озорное.

Лео.

Мой собеседник смеётся, говорит, что так его ещё никто не обзывал, но кажется, ничего против не имеет.

...К вечеру мы с Олегом уже лучшие друзья. Он спокойно расплачивается с официантом за нас обоих (а мы успели не только допить бутылку, но и слопать ещё кучу разномастных продуктов), и мы отправляемся на прогулку по городу.

Последняя моя здравая мысль состоит в том, что нужно принять выданную Магистрами таблетку для улучшения пищеварения – всё же я употреблял совершенно незнакомую еду, и совсем не хочу заработать диарею или что-нибудь в этом духе.

..Просыпаюсь я в гостинице, в номере Олега и в его постели, со слегка кружащейся головой. Таблетки, может, и подействовали, но явно не идеально.

Мы валяемся прямо в одежде, по разные стороны кровати. Между нами – смятое одеяло и две подушки. К счастью, это огромная кровать.

Он тоже проснулся, и теперь шуршит, потягивается, зевает и похрустывает суставами пальцев. Я не чувствую потребности немедленно показать воспитание и исполнить правила этикета, поздоровавшись и начав беседу. С ним почему-то очень легко молчать, и, кажется, вовсе не требуется вымучивать слова. Всем понятно, что слова эти – лишние. Никакой неловкости и недопонимания нет и в помине.

Перед глазами картинка немного мутная, голова едва заметно кружится, но, несмотря на это, мне так хорошо, так спокойно, что хочется просто улыбаться и созерцать. Что я с удовольствием и проделываю.

Любой гражданин нашего мира может записаться на приём к Магистру, и изложить ему свой план, задумку или даже просто мечту. Магистр разберёт возможные последствия для самого просящего и других людей, убедится в разумности и полезности, прикинет возможные последствия... И в случае положительного прогноза – займётся воплощением. Увы, у Магистров и без нас забот хватает, и потому существует целая куча ограничений. На приём может попасть только человек, достигший возраста сознательности. Электронная очередь движется долго – иногда более полугода. К тому же, просьб может быть не более десяти за жизнь, так что следует хорошо подумать над формулировкой и необходимостью... Но, несмотря на все условия, для меня пока недостижимые, я иногда мечтал. Мечтал о том, как явлюсь к Магистру и выскажу то самое желание, которое не покидало меня на протяжении всей моей сознательной жизни, забивало собой мою голову, каждый день и час стояло у меня перед глазами.

Стать нормальным.

Но сейчас... Сейчас это желание не то что бы исполняется, нет... Оно просто уходит в сторону, перестаёт быть важным, теряется в тени. Я продолжаю быть ненормальным, неправильным, не таким, как все. Но это меня почему-то не волнует. Впервые за всё время мне нравится *быть собой*.

Я наслаждаюсь этим чувством, не забивая себе голову страхами внезапно всё потерять. Не думаю о причинах внезапного улучшения.

Но догадка приходит сама. Я чувствую магию. Магию.

Когда Магистр на Диске занят сильным колдовством, от него исходит странное тёплое ощущение. Светлый импульс. Ощущение силы, воли, красоты, созидания. Всем нравится чувствовать это. Несмотря на то, что мой отец – один из самых сильных и прославленных Магистров, стоящих у самых истоков обустройства Диска, мне никогда не доводилось в полной мере насладиться такими вещами. При мне он колдовал лишь по мелочи, для обустройства дома, или для починки каких-то вещей. Но даже тогда, пусть на миг, на душе становилось спокойно и приятно.

Гляжу на Олега повнимательнее, и вдруг соображаю: он не так прост, как показалось на первый взгляд. Да, от него определенно разит магической силой. Для Земли, на которой не существует магии вовсе, это, как минимум, странно.

Прикусываю губу, не зная, какое из нахлынувших чувств выбрать. Мне и горько, и хорошо. Мне вроде и повезло, и не очень.

– Кто ты? – спрашиваю, наконец, приподнимаясь на локте и вглядываясь в его симпатичное полусонное лицо.

– Лео, – отвечает он, и обаятельно ухмыляется.

Услышав, что мне необходим сахар для отчёта проректору, Олег громко смеётся и обещает, что купит мне хоть десять кило. Мой рассказ о Диске и правилах жизни на нём он слушает с неоскудевающим интересом, не забывая вставлять забавные ремарки или понимающе хмыкать.

Впервые за свою жизнь я говорю так долго без перерыва. Самое приятное, что я не просто говорю, но и чувствую, что мою речь ждут. Ждут, и хотят продолжения. Может быть, именно поэтому, мне удаётся очень легко и без усилий вывалить огромную кучу сведений, при этом не заикаясь, не путаться и даже вполне удачно структурировать рассказ.

Проректор, конечно, и подумать не мог, что мне хватит глупости признаваться местным жителям, что я из другого мира. Он даже забыл вписать это правило в список тех вещей, которые я тут не должен делать. Но мне мои действия глупыми вовсе не кажутся. Наоборот, сейчас я чувствую сильнейшую потребность рассказать Олегу всю правду, как она есть.

Потом, я, прокашлявшись и напившись сока, замолкаю. Наступает очередь Олега говорить. И надеюсь, что он будет со мной столь же откровенен.

Рассказ оказывается куда более коротким.

Никакой магии в нём нет. По сути, он совершенно обычный парень. Но, надо признать, судьба дала ему неплохой старт при рождении, в виде обеспеченных родителей, хорошей генетики и повышенного везения. Но, несмотря на вышеупомянутое везение, он недавно расстался с девушкой, которую очень любил и с которой прожил вместе целых пять лет.

Промаявшись в одиночестве полгода, он совсем расклеился и решил сменить обстановку и улететь на другой край земли. С деньгами у него проблем не было, и потому нужно было лишь оформить отпуск и купить билет, что он и сделал.

И улетел из родного огромного и серого города, сюда, в этот маленький и солнечный городок, на юге Италии. Один, в расстроенных чувствах.

В этом самом отпуске мы с ним и встретились.

Мне ужасно нравится смотреть на Олега.

Солнечный луч пробивается сквозь полупрозрачную штору и высвечивает прядку его волос, и она мгновенно приобретает золотистый цвет, блестит, почти искрится. Я жмурюсь от удовольствия.

Он отбрасывает со лба эту самую прядку. Жест этот почему-то кажется знакомым, родным, виденным множество раз. Глаза у него тоже светлые, голубовато-серые, смеющиеся. И под его взглядом мне удивительно приятно находиться, я даже не стесняюсь пристального внимания, обращённого в мою сторону.

Я люблюсь на волосы, руки, отмечаю на его лице каждую родинку, каждую морщинку, мысленно касаюсь пальцами красивых полных губ, и снова и снова ловлю сладостное чувство дежавю – так, словно все эти годы до нашей встречи я каждую ночь видел его во сне.

У него красивые руки, с длинными и крепкими пальцами. Вырез футболки открывает трогательные ключичные ямки. У него заразительный смех и красивая, немного бесшабашная улыбка.

От Олега исходит странная, искрящаяся, светлая энергия. И она анестезирует все мои душевные раны, заполняет собой тело, зажигает внутри огонь и освещает собой изнутри.

Если это не его магия, то что? Обаяние? Харизма? Или...

Сердце – будто огромный котёл с вареньем, нагревается, бурлит, булькает. Из-под крышки течёт горячая, сладкая пена.

Внутри меня всё звенит и вибрирует. Натягивается, словно канат между двумя балконами.

– На Диске считают, что меня наказали. Пока гощу на Земле, я пропущу несколько дней каникул, – сообщаю ему. – Пропущу праздник урожая, концерт, вечеринку, и Крот знает, что ещё.

Он подвигается ко мне, дружески похлопывает по руке:

– Да чёрт с ним, с праздником. Мы и здесь повеселимся, так, как им и не снилось.

Это обещание будоражит меня. Радость и благодарность переполняет сердце.

Я хочу остаться здесь. Хочу остаться с ним.

Да, не попаду на праздник, не поучаствую в представлении, не буду присутствовать на ярмарке и не попробую специальных редких угощений. Но совсем не сожалею. Я испытаю что-то более интересное и уж точно куда более индивидуальное.

Чудесное. Невероятное.

– Спасибо, – мне так великолепно, круто, волшебно, что я пишу от переполняющих эмоций, и даже шутливо кусаю его за плечо.

Сердце моё поёт и плавится.

У нас на Диске не принято целоваться.

И тому есть несколько причин, как глупых, так и не очень.

Магия, царящая на Диске, вылечила рак третьей стадии у моего отца, заростила мою сломанную руку за считанные дни, помогла провести множество сложных операций для нуждающихся в них людей, в том числе и по замене позвоночных дисков. Но при этом всё она совершенно бессильна против насморка, психических и венерических заболеваний. Такие вот неожиданные исключения.

Воздушно-капельным путём вирусы почти не передаются: в магическом воздухе они всё же успевают потерять свою силу. А вот при непосредственном обмене слюной – передаются запросто.

Поэтому обыватели идут по пути наименьшего сопротивления, и попросту стараются исключать близкие контакты, чтобы не тревожить иммунитет, избалованный отсутствием болезней, не обмениваться микробами и не искушать судьбу.

Нужно отметить, что колонизация Диска была начата каких-то двадцать лет назад, и поэтому привычка не была закреплена на генетическом уровне. Многие взрослые всё же сдавались, забывали об ответственности и предавались этому странному и бессмысленному занятию. Но они хотя бы старались скрывать это от своих детей и воспитывать их правильно. А вот мои родители не боялись демонстрировать свои чувства, обнимались и даже целовались, и я пару раз видел это. Удивлялся, кривился и горячо обещал себе, что сам такими глупостями заниматься никогда не буду.

В подростковом возрасте никто не стремился начать со мной отношения, поэтому не было соблазна нарушить это детское обещание. Конечно, я мечтал о любви, испытывал возбуждение, желал разрядки, иногда не понимая толком, что происходит – а никакой информации по этому поводу не предоставлялось аж до самого шестнадцатилетия. Но в очередной день рождения мне пришла посылка, содержащая в себе книгу об отношениях, и даже несколько секс-игрушек. Книга гласила, что не стоит идти на тесный физический контакт с партнёром, пусть даже и с «защитой». Зато предлагалось расслабиться и получить физическое удовольствие наедине с собой, с помощью вышеупомянутых секс-игрушек.

Так вот, возвращаясь к поцелуям.

Свою нежность можно выразить другими действиями: поглаживанием по плечам и спине, ласковыми словами, да и просто проявленной заботой.

Казалось бы, в подобной атмосфере я должен был вырасти без желания совать свой язык в чей-то слюнявый рот, полный микробов.

Но сейчас я просто цепенею от нахлынувшего желания. Губы ноют так сильно, словно я прижался ими к промёрзшей насквозь железке. Мне так хочется поцелуя, что мне безразличны возможные вирусы, и правила, и гигиена. Даже если Олег обедает только мухами, даже если не чистит зубы с самого рождения, даже если сожрал головку чеснока без закуски.

По телу медленно растекается звенящая, дурманящая нега, мне хочется осторожно опустить голову на его плечо, вдохнуть пряный запах кожи, прикоснуться к стройному, подтянутому телу.

Сжимаю губы, тру их тыльной стороной ладони, но зуд не пропадает. Мысли в голове танцуют и прыгают, как зёрна кукурузы на горячей сковородке.

Такого со мной никогда раньше не бывало.

Голова кружится, язык ворочается во рту с таким трудом, будто набит соломой. Ладони мои намокают и мелко дрожат. Член, болезненно напряжённый, упирается в резинку трусов. Всё это настолько мучительно, ошеломительно, странно, что я полностью теряю ориентацию в пространстве, и должно быть, выгляжу крайне беспомощным и жалким.

Покой покидает меня, вылетев в окно, с такой невероятной скоростью, словно спешит на спасение мира.

Я валяюсь на кровати рядом с Олегом, чувствуя его тёплый бок совсем рядом, и чуть было не стону в голос, в безуспешных поисках возможности половчее вывернуться, отодвинуться. Но самое странное, самое страшное, самое невероятное в том... В том, что мне не хочется отодвигаться. Напротив, хочется прижать его к себе сильнее, прикоснуться губами к его губам, обвить руками, ногами, притиснуть, сгрести, вжать в своё тело. До хруста, до боли, до мурашек, до гулких и полузадушенных стонов.

Мучения обрываются, так как Олег сам отодвигается от меня, потянувшись за соком. Меня обдаёт холодом пустоты, но холод не помогает вразумить обезумевшую голову.

Чувства так теснятся в груди, что я почти захлёбываюсь ими и начинаю кашлять в кулак. Олег поворачивается, подвигается ко мне, помогает сесть, и, продолжая придерживать, протягивает наполненный стакан.

Полностью игнорирую этот жест, замираю, словно статуя, и зачарованно смотрю на его губы. Он сдувает чёлку, упавшую на глаза, и облизывается. Без всякой задней или передней мысли, разумеется.

Я не могу сопротивляться: неведомая сила тянет меня вперёд. Я скольжу щекой по его щеке – она сухая, тёплая, немного колючая.

Меня слегка потряхивает. Олег, должно быть, считает, что я подавился, и заботливо похлопывает меня по спине одной рукой, а другую, со стаканом, отставляет в сторону. Он так сосредотачивается на этом немудрёном действии, что я, пользуясь случаем, прижимаюсь к нему крепче, обнимаю за талию и, чуть приподняв голову, будто бы случайно, скольжу губами по его виску.

Проходит несколько секунд, он слегка отстраняется и глядит на меня, с ухмылкой и одновременно с лёгким недоумением.

– Се...йчас, я тол-лько... – теряя буквы и путаясь в словах, произношу я, поднимаюсь на подгибающиеся, непослушные ноги, и направляюсь в сторону туалета.

Меня шатает, и я даже не могу вписаться в дверной проём с первой попытки.

В голове бьётся стайка самых разных панических мыслей, но все они не могут прогнать то напряжение, которое возникло внизу живота. Более того, эти мысли становятся всё страннее, всё непристойнее, они разжигают кровь, и она нагревается, почти закипает прямо в моих жилах.

Войдя в комнатку, я торопливо открываю кран с водой, на секунду отвлекаюсь на шум воды. Стоило бы умыться, освежить голову и мысли. Но вместо этого я расстёгиваю штаны, сжимаю в ладони пульсирующий член и не могу сдержать изумленного и полного возбуждения вздоха.

Да, я иногда делал такое и ранее, чтобы расслабиться, прийти в себя, побыстрее заснуть. Иногда – после всяких грязных фантазий... Но никогда вот так, в чужом месте, при чём-то присутствии за стеной, при таком вот состоянии ума и тела.

И никогда ещё ощущения не были столь острыми и всепоглощающими.

– Я сошёл с ума, сошёл с ума, сошёл с ума, сошёлсума, сшлсм, – едва слышным шёпотом повторяю я, сжимая и поглаживая член, который уже почти разрывается от вожделения.

Смочив в слюне собственные пальцы, я сжимаю ими головку, и фантазия моментально подбрасывает яркий, невероятно чёткий образ, как к ней прикасаются не мои, а *его* руки. Как я, теряя контроль, двигаюсь бёдрами *ему* навстречу.

И это великолепно. Невероятно. Потрясающе.

Не сдержавшись, я облакачиваюсь однойрукой на стенку, и принимаюсь с силой и даже яростью сжимать член, и убыстряя темп, двигаю рукой.

Да, вот так... Ещё. Ах, да-а.

Ещё пару раз судорожно дёрнувшись, подаюсь вперёд, упираюсь в стену головой, снова стону сквозь стиснутые зубы, и кончаю.

Наслаждение сладостное, яркое, почти болезненное, стискивает тело так, что несколько секунд я не могу вдохнуть и двинуться, лишь стою, наблюдая перед закрытыми глазами танцующие разноцветные звёзды... и *его* лицо.

Из ванной я выползаю с видом виноватым и беспомощным.

Хорошо, конечно, что додумался открыть кран с водой, чтобы заглушить своё извращённое поведение, пыхтение, и страшно сказать, поскуливания.

Наверное, Олег решит, что у меня какие-то проблемы с туалетом.

Или... ничего не решит.

Потому что в комнате его нет.

Глава 4

Понемногу я прихожу в себя, с трудом перебарывая шок, переживания и чувство вины. Кое-как отдышавшись и успокоившись, начинаю действовать.

Внимательно осматриваю, даже обнюхиваю гостиничный номер метр за метром. Все вещи на прежних местах, только стакан, который Олег держал в руке, когда я уходил, теперь лежит на полу. Даже не разбился.

Окно заперто, форточка слишком мала, чтобы в неё протиснуться, хотя, высота третьего этажа никак не предполагает, что кто-то мог бы рискнуть проделать такую глупость. Дверь в коридор блокирует наполовину разобранный походный рюкзак – у Олега никак не получилось бы выбраться наружу, не сдвинув его в сторону. Замок закрыт, ключ от комнаты лежит рядом, на тумбочке.

А значит, Олег не сбежал от меня, уличив в неадекватности и убоявшись пребывать в номере с опасным извращенцем и психопатом.

И это уже хорошо, ведь у него был повод именно так и поступить, особенно после моего рассказа о Диске, его устройстве, таком странном на взгляд Землянина. И после моих действий в его ванной.

Комната наполнена магией под завязку – и эта неприятная, малообъяснимая деталь действует мне на нервы.

Что же произошло здесь, пока я предавался спонтанному акту разврата в чужой ванной?

Начинаю размышлять в стиле сыщика, которого так любит мой отец, и вскоре прихожу к единственно правильному логическому умозаключению.

Бесследно исчезнуть из запертого гостиничного номера Олег мог только благодаря магии. А так как планета Земля с магией «не дружит», то он не смог бы сотворить сильное заклинание самостоятельно. Значит, кто-то из аборигенов Оклуса телепортировался сюда, специально разлил магию из флакона, чтобы искусственно пополнить резерв их обоих... и силой забрал с собой Олега в свой мир. Или, по другой версии, смог телепортировать его, не посещая Землю лично.

Копаясь в олеговых вещах (и пару раз тычусь лицом в его футболки, как без этого), бестолково перекладываю их с места на место, но других «зацепок» так и не нахожу.

В итоге, спустя пару часов, я относительно смиряюсь с ситуацией. Всё равно уже не в силах что-либо предпринять для изменения ситуации. И потому решаю ждать Олега в номере столько, сколько позволит время.

Мучаюсь совестью, но всё-таки «одалживаю» деньги из кошелька Олега, и оплачиваю проживание в гостинице на оставшиеся дни своей «командировки». Очень надеюсь, что потом удастся компенсировать ему материальные потери.

Аккуратно складываю его вещи по чемоданам, сдаю их в камеру хранения, и отчаянно надеюсь на то, что вскоре он сможет забрать их лично. Когда вернётся. А ведь он обязательно вернётся. Иначе и быть не может.

...Ночью валюсь в кровать Олега, обнимаю скомканное одеяло так, будто от этого зависит моя жизнь, вдыхаю тонкий аромат, сохранившийся на подушке, и неожиданно для себя засыпаю, быстро, легко и спокойно. Обычно мне такое не свойственно.

Во сне вижу сны, в которых мы вместе и... обнимаемся. Сердце моё ноет, и я испытываю целую гамму самых разнообразных эмоций, от счастья до светлой грусти, от непонимания до отчаянной надежды.

И всё же, продолжаю заниматься отрицанием очевидных истин, продолжаю отворачиваться в сторону, и решительно отказываюсь как-то идентифицировать свои чувства. Как будто, если я не думаю о них, то их нет.

Однако эта игра не может продлиться долго. Сердце моё ведёт себя странно. Оно мечется, ноет, а временами радуется непонятно чему, и громко, очень громко транслирует миру... отсутствие у меня всякой логики и разума.

На следующий день я выхожу на улицу, покупаю в ближайшем магазинчике пресловутый сахар, заглядываю в местную аптеку и набираю там кучу лекарств – и тем самым выполняю свою миссию, ради которой и появился в этом мире. Вернувшись в номер, более не высываюсь из него наружу, заказываю еду с курьером, сижу на кровати, смотрю по телевизору все программы подряд, иногда мечтаю, а порой, устав бороться с собой, занимаюсь всякими неприличными вещами.

Телепортер, закреплённый на моей шее, возвращает меня домой день в день, минута в минуту соответственно времени, назначенного проректором. И я лишаюсь не только самого приятного человека, встреченного за свою жизнь, не только мира, оказавшегося приятным и вполне приветливым, ... но и самой большой любви, переполнявший меня с головой и давящей своей океанической мощью.

Всё же, к концу своего добровольного заточения в номере Олега, я успеваю признаться себе в том, что влюбился. Отчаянно, сильно, и наверняка безнадежно. Точно безнадежно. Ведь влюбился я в мужчину.

...Как только я прихожу в школу, то сразу понимаю: всё это время мои враги дожидались меня, мечтая о мести, и сейчас ни перед чем не остановятся, чтобы её совершить.

Но я больше не боюсь.

За эти несколько дней я изменился, продвинулся вперёд и будто вырос над собой и своими страхами.

– Ты действительно не такой как все, Игорь, – сказал мне Олег в тот день. – И у тебя есть два выхода. Первый – всю жизнь притворяться кем-то другим, страдать, мучиться, иметь кучу неврозов, комплексов, и фоновое желание застрелиться. А второй – принять себя таким, как есть, и плюнуть на общественное мнение. И в первом, и во втором случае найдутся люди, недовольные тобой и твоим образом жизни. Но, если ты выберешь второй вариант, кроме недоброжелателей, будут и друзья. И счастье будет.

И я знал, что он прав. Всегда найдутся люди, которые осуждают. За любое хобби – невинное, как вязание, или адреналиновое, как прыжки с парашютом. За любую одежду, скучную классическую или вызывающую стим-панковскую. За выбор партнёра, красивого или не очень, умного или туповатого. За домашнее животное, опасное, как крокодил, или безобидное, как заводной робот-хомяк. За вкусы, что в еде, что в музыке, что в людях. Так зачем пытаться подстроиться под кого-то? Я больше никогда и никому не позволю себя ломать. И больше не буду стараться выглядеть тем, кем не являюсь.

Компания движется на меня, явно намереваясь если не избить, то хотя бы наградить парой унижительных тычков, плевков, а также десятком смешных и обидных ругательств.

Но я не позволяю им этого сделать.

Приподнимаю плечи, напрягаю шею, скалю зубы и начинаю шипеть, брызгая слюной. Выглядит это, должно быть и угрожающе, и безумно. Может быть, даже глупо. Но меня это несколько не заботит.

Они не ожидают сопротивления, тем более *такого*.

– Да он реально чокнутый, – мои враги с ошалевшим видом переглядываются и даже делают несколько неуверенных шажков назад. Это крошечная победа, которой я не могу удовлетвориться.

Я подпрыгиваю, кричу, размахиваю руками, тарашу глаза и несусь на них, для ещё большего эффекта размахивая собственной сумкой. Вид, у меня при этом, должно быть, крайне безумный. И они откровенно пугаются меня и моего вида, и стартуют прочь, вскоре разбегаясь в разные стороны.

В отличие от них, я никогда не был позёром, не обижал слабых и не самоутверждался на глупых и жестоких выходках. Я всегда был храбрее, умнее и человечнее, мне знакома эмпатия, жалость и понимание. Я куда более человек, чем они. Им недоступно чувство безмерной любви или ощущение настоящей, чистой дружбы. Они сами себя засадили в коробку скептицизма, цинизма, жестокости, ограниченности. И они куда более несчастны, чем я. Впереди у них стандартная жизнь, полная самоограничений. А я, однажды учуяв запах свободы, уже не смогу довольствоваться малыми крохами, и не успокоюсь, пока не стану по-настоящему счастливым.

Я некоторое время преследую кого-то из них, затем нагибаюсь, подбираю брошенную планшетку, бросаю вслед. Очень успешно ударившись в спину хозяину, планшетка падает и разбивается. Но парень не оглядывается и шага не замедляет.

Проходит несколько дней.

На сей раз меня не догоняет наказание от отца или проректора. Все участники того события, не сговариваясь, решили молчать. И меня это полностью устраивает.

Тем более что близятся выпускные тесты, за ними маячит распределение на практику.

Все ходят взволнованные. Сверстникам не до меня, учителям – тем более.

Отец занят устройством мероприятий, подготавливает специальные средства для обеспечения честного и беспристрастного прохождения заданий. Предстоят как теоретические, так и практические экзамены. Если для первых достаточно всего лишь удобного помещения, то для вторых нужен целый полигон, с завесой безопасности, различными охранками и контролем над возможными ошибками.

Меня совершенно не волнуют мои результаты. Я даже не делаю попытки подсчитать баллы, заработанные мною на занятиях в течение года.

Мне тоскливо и плохо, но при этом в душе моей до сих пор царит странная, практически ничем не обоснованная... надежда. Она греет меня, обнимая заledenевшее сердце, обдувает тёплым ветерком лицо и помогает жить дальше.

Мысли в голове крутятся разные. Я всегда чувствовал, что отличаюсь от других. Отличаюсь образом мыслей, характером, привычкой к самокопанию и рефлексии. Но сейчас понимаю, что дело не только в этом. Я со всей ясностью убеждаюсь, что не обманывался, подозревая с собой неладное. Мне действительно нравятся мужчины.

Мне импонирует эта определённая, осветившая бытиё. В то же время, сделанный вывод обещает дополнительные проблемы в жизни, которая и без того не может считаться лёгкой и приятной.

В небольшом поселении Диска, несмотря на внешнюю цивилизованность, сохраняются почти пуританские нравы, ограничивающие возможность проявления чувственных удовольствий. Конечно, подчиняются этому не все. К примеру, родители мои очень явственно любили друг друга, даже целовались, может быть, даже сексом занимались, но только дома и наедине.

В столичном городском комитете председательствует группа всё-осуждающих-людей, моралистов и святош, которые поддерживают отказ от секса не только из-за гигиенических соображений. Они считают, что человек должен как можно дальше уйти от животного образа жизни, отказаться от инстинктов и низменных потребностей, тем самым приближая себя к

передовой науке и прогрессу. Они презируют несдержанность, отрицают проявления страсти и любви. Они считают, что пара людей должна создавать союз только из-за бытового удобства, чтобы разделить обязанности, и более эффективно содержать хозяйство. А если между ними есть ещё и чувства – так это странно и несовременно. И это речь про самую обычную, гетеросексуальную пару.

Что же было бы с парой гомосексуалистов, и представить сложно.

Собственно, они осуждают любой выбор и пытаются максимально некорректно высказать своё мнение, и уж точно напали бы на любого человека, посмевшего заявить, что он хочет жить и строить семью не с женщиной, а с мужчиной.

Но даже если человек решит не выделяться и остаться одиноким – его всё равно осудят. Ведь считается, что одиночное проживание человека – это нецелевое расходование его собственных возможностей, а также бесполезная трата на него ресурсов Диска. Именно поэтому надо мной иногда посмеивались, предрекая, как я буду жить один, испытывая давление и осуждение, не в силах найти кого-то даже просто для вида. Ведь никто не согласится жить с таким неудачником, как я. В этом не сомневались ни мои враги, ни даже я сам.

Здесь не существует никакой пропаганды гомосексуализма, более того, никто не говорил мне даже о возможности возникновения таких чувств.

И винить мне некого, кроме своей природы.

Я почувствовал это в себе сразу, как только вырос. Вот просто взял и влюбился, как и все подростки моего возраста, вот только не в одноклассницу, а в одноклассника. Та детская влюблённость прошла через полгода, а вот подозрение в своей «ненормальности» – осталось. И именно об этом хотел поговорить с родителями в тот злополучный день рождения. Но не успел.

Теперь же, когда мой вывод укрепился в многократной прогрессии, я намерен хранить его в секрете, чтобы не загреметь в психотерапевтический бокс на пару недель.

Мне нравятся мои чувства, и я совсем не хочу от них «излечиваться».

Сидя в гостиничном номере на Земле, я посмотрел огромную кучу передач и шоу, в том числе и на ЛГБТ-тематику, и теперь знаю, что вовсе не являюсь больным или извращенцем. Это не выбор, я родился таким. Да, я отличаюсь от большинства, но это не делает меня хуже.

И кроме всего прочего, я осознаю, что не просто увлёкся, а по-настоящему влюбился.

Должно быть, любовь – странное и разностороннее чувство, которое каждый человек трактует по-своему. Для меня она – странная, чуткая, возникшая самостоятельно и резко, неожиданно и необъяснимо. Мне не понадобился долгий процесс узнавания человека. Оказалось, что достаточно ощутить внезапное притяжение, и я очаровался его личностью чуть ли не с первых слов общения.

Итак, я не разделяю массовую истерию по поводу приближающихся экзаменов. Меня не волнует ни теоретический тест, ни практический.

Меня не волнует даже проверка на магические способности, где будут определять, есть ли среди нас будущие Магистры.

Вместо того чтобы почитать учебники, играю в онлайн-игру на планшете и болтаю в чате с теми редкими смельчаками, которые предпочли такое же занятие.

Но в итоге экзамены я всё-таки сдаю.

Правда, балансируя на границе отметки «удовлетворительно», но это уже незначительные детали.

Завтра предстоит чертовски важный день, и готовлюсь я к нему в своём собственном, неповторимом стиле (за который, разумеется, уже не раз себя проклинал). А именно, не сплю всю ночь, просматривая развлекательные бессмысленные программы, и поедая всухомятку печенье.

Итог вполне закономерен: утром вид у меня помятый и измученный.

Я начинаю собираться, тщательно укладываю волосы, приказываю домашнему роботу выгладить белую рубашку и даже завязать мне галстук – эту неудобную, бесполезную и странную штуковину, моду на которую ввёл мой родной отец. Конечно, как выходец с Земли он имеет право на всякие необычные пристрастия, в том числе и в моде, но зачем навязывать их другим? Задаваясь этим бессмысленным вопросом, я затягиваю время выхода просто до неприличия, и вынужден практически бежать по улице к месту назначения.

Конечно, за время этой пробежки рубашка мнётся и к тому же украшается пятнами пота в области подмышек. А волосы после подавляющего влияния моей влажной пятерни вообще идут вразнос: часть из них прижимается к голове, а часть – торчит в разные стороны. Оказавшись внутри, пару секунд гляжу на своё отражение в магический поток воды, и поневоле вздрагиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.